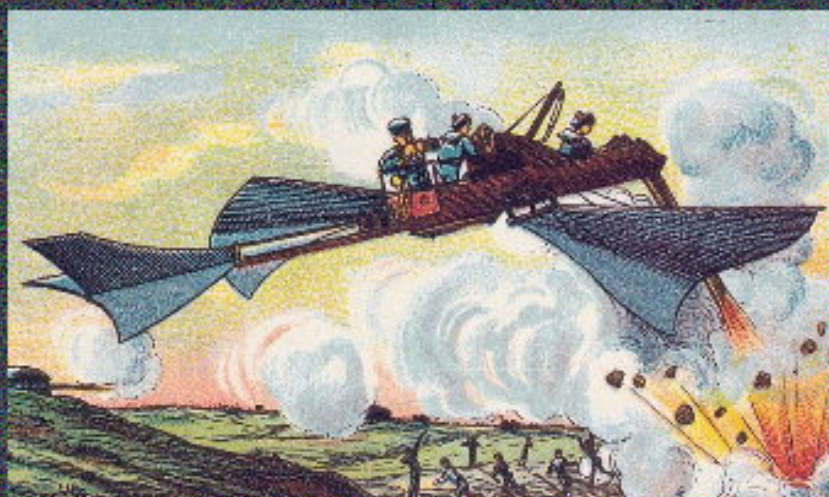

[Polaris]

Н. ТАСИН

АППАРАТ СМЕРТИ

Научно — фантастические рассказы

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CXXIX

Salamandra P.V.V.

Н. Тасин

АППАРАТ СМЕРТИ

Научно-фантастические
рассказы

Salamandra P.V.V.

Тасин Н. (Коган / Каган Н. Я.)

Аппарат смерти: Научно-фантастические рассказы. Сост., подг. текста и биогр. очерк М. Фоменко. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 75 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. СХХIX).

В книге впервые собраны научно-фантастические рассказы журналиста, переводчика и писателя-фантаста Н. Тасина (Н. Я. Когана / Кагана), известного романом «Катастрофа» (1922) – одним из самых примечательных научно-фантастических произведений, изданных в эмиграции. Все включенные в книгу произведения переиздаются впервые.

© М. Fomenko, сост., подг. текста, биогр. очерк, 2016

© Salamandra P.V.V., оформление, 2016

АППАРАТ СМЕРТИ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ТОМА ГРАНТА

(Фантастический рассказ)

1.

Элеонора Грант встала в скверном настроении: муж ее улетел по делам в Париж, и она безумно скучала в этом осточертевшем ей Лондоне. Обещал вернуться через день, но прошло уже больше недели, а его все нет.

Накануне вечером он по радио сообщил ей, что произошла новая задержка: какие-то недоразумения на фабрике радиомоторов. Он не может уехать, пока дело не уладится. Ужасно досадно!

Странно, что он сегодня еще не пожелал ей доброго утра! Обычно он около 9 часов будит ее из Парижа по радио, делится впечатлениями, говорит о своих планах на предстоящий день. Теперь уже половина одиннадцатого... Странно, очень странно...

Она решительно подошла к радиоскопу.

— Я должна узнать, в чем дело! — вслух сказала она.

На одном циферблате радиоскопа она поставила стрелку против надписи «Париж», а на другом перевела четыре различные стрелки на цифры 2, 7, 5, 3 — 2753. Это был номер, по которому можно было сноситься с ее мужем в Париже.

Элеонора Грант, стоя перед аппаратом, лукаво усмехнулась. Она сначала пошпионит за мужем, а потом вдруг скажет: «Здравствуй, Томми! У тебя в комнате ужасный беспорядок!» То-то он будет удивлен!

Мысль эта ей так понравилась, что ее скверное настроение как рукой сняло. «Теперь, Томми, держись! Я тебя сейчас накрою!» — весело подумала она.

«А вдруг у него радиоприемник закрыт», — мелькнула у нее мысль. — «Сейчас увидим...»

Элеонора нажала кнопку. На одном из циферблатов выступил светлый кружок.

«Его приемник открыт! — обрадовалась она. — Наверное, говорил с кем-нибудь и забыл закрыть. Это с ним бывает...»

Она сняла выключатель, поднесла к глазам трубку радиоскопа — и застыла на месте, как если б ее хватили дубиной по голове. То, что она увидела... Неужели это возможно?!.. В дальнем углу кабинета, на софе, сидел ее Томми, держа на коленях какую-то женщину!

Рука Элеоноры судорожно сжала трубку. Перед глазами у нее пошли красные круги, ноги подкосились. Но минутою спустя она уже вполне овладела собой и напряженно стала всматриваться.

Женщина была совсем еще молода: лет 20, не больше. Пикантная блондинка со вздернутым носиком и легкомысленными ямочками на щеках, смеющаяся, жизнерадостная. Одета так, как если бы только что встала с постели. Красивые обнаженные руки были обвиты вокруг шеи Томми. Он совал ей в рот шоколадную конфетку, которую она кокетливо откусывала своими мелкими, ровными зубами. Потом он стал целовать ее в шею и, по-видимому, щекотал ее своими усами, потому что она со смехом отбивалась.

Безумный гнев охватил Элеонору. Он придавил мозг и сердце, захватил дыхание. Хотелось кричать, рвать на себе волосы, платье, вдребезги разбить этот ужасный аппарат, такой бесстрастный и безжалостный.

Но огромным напряжением воли ей удалось взять себя в руки. Она выпрямилась перед аппаратом и спокойно, как если бы ничего особенного не случилось, сказала:

— Здравствуй, Томми!

Она видела, что он вскочил как ужаленный, резким движением сбросил с колен женщину и толкнул ее за стоявшую поблизости японскую ширму. Потом он торопливо поправил съехавший набок галстук, поправил волосы и подбежал

к радиоскопу.

— Здравствуй, Элеонора... Это так мило с твоей стороны... Я только что собирался тебя вызвать, но...

— Но ты был занят? — с убийственной иронией перебила его жена. — Очень, очень занят. Я видела... Прости, что помешала. Можешь продолжать занятия... с этой особой. Желаю успеха!

Элеонора не выдержала роли — и вдруг расхохоталась. Смеялась она долго, истерически, судорожно.

— Ха-ха-ха... Нет, это так забавно! Муж, жена и любовница за ширмой... Ха... ха-ха...

— Элеонора, ради Бога!

Он стоял перед аппаратом, жалкий, уничтоженный, не зная, что придумать, чтоб выйти из создавшегося положения.

Он смотрел, как она корчится от смеха, и бессмысленно повторял:

— Элеонора, ради Бога!

Потом на циферблате аппарата выскочил черный кружок: она повесила трубку и оборвала разговор. Тщетно Томми изо всех сил нажимал кнопку, звал, умолял:

— Элеонора! Элеонора! Выслушай!

Ответа не было.

Не добился он ответа и в течение всего остального дня.

Был уже девятый час вечера, когда он сел в аэро-экспресс и полетел в Лондон.

Бесшумно летела гигантская стальная птица, освещая себе путь прожектором, а в ушах Томми все еще звучал злой, истерический смех Элеоноры..

Что-то ждет его в Лондоне?

3.

— Миссис нет, — встретила его горничная.

— А где же она?

— Миссис улетела на свою воздушную виллу.

— Одна или с пилотом?

— Одна.

— Гм... Ничего не поручила передать мне? Может быть, письмо оставила?

— Нет. Миссис очень быстро собралась — и только уж перед самым отлетом...

Горничная замялась.

— Говорите! Что она сделала перед отлетом?

— Миссис вызвала по радиоскопу мистера Бернса и... сказала, что будет ждать его в своей воздушной вилле.

— Вы сами это слышали?

— Да. Миссис говорила очень громко, да и дверь была открыта.

Он отослал горничную и забегал по кабинету, как зверь в клетке. Джон Бернс! Проклятье! Он давно уже подозревал... Быть может, в эту самую минуту...

Том Грант в бешенстве сжал кулак, потом подбежал к радиоскопу и соединился с воздушной виллой. На циферблате выступил светлый кружок: приемник был открыт.

— Алло, Элеонора!

В то же мгновение он увидел жену.

Полулежа на оттоманке, она читала какую-то книгу. На зов мужа она даже не повернула головы.

— Элеонора!

Она не переменила позы.

— Элеонора, я умоляю тебя! Я требую, наконец.

Вдруг она отложила книгу, привстала немного и сказала, обращаясь к двери:

— Войдите!

Дверь отворилась, и Том Грант увидел входящего Джона Бернса, своего бывшего компаньона, с которым он в прошлом году, после одной бурной сцены, порвал всякие отношения.

Элеонора встала навстречу Бернсу и... — проклятье! — обвила руками его шею.

Том Грант в бешенстве чуть не сломал трубку.

— Элеонора! — угрожающе прорычал он.

Джон Бернс, высокий мужчина с моноклем в глазу, с изумлением оглянулся на аппарат, а потом вопрошающе взглянул на молодую женщину. Вместо ответа она притянула его на оттоманку и усадила рядом с собой. На лице ее играла улыбка торжества.

— Так это месть?! — крикнул Том Грант. — Хорошо же! Я принимаю вызов!..

И он отшвырнул трубку.

4.

Элеонора и Джон Бернс сидели на террасе воздушной виллы.

Вокруг расстился безбрежный воздушный океан. Там и сям, на различной высоте, виднелись другие воздушные виллы самых причудливых стилей. Одни имели форму пагоды, другие напоминали оснащенный корабль, третьи походили на легкое шале где-нибудь в горах Швейцарии. Были среди них и многоэтажные гиганты, настоящие воздушные небоскребы.

Все виллы держались в воздухе неподвижно, с помощью особых магнитных токов, которые направляла и регулировала центральная магнитная станция Лондона. Только время от времени та или иная из них как бы снималась с якоря и начинала плавно носиться по волнам воздушного океана.

Одна вилла, находившаяся километрах в двух от виллы Элеоноры и построенная в мавританском стиле, вдруг быстро стала спускаться вниз. По мере приближения к земле скорость спуска, благодаря особой системе тормозов, постепенно уменьшалась. Элеонора и Бернс, с интересом наблюдавшие за ней, видели, как она, осторожно лавируя, медленно опустилась на поле в окрестностях Лондона.

— Должно быть, с магнитным током что-то неладно! — сказала молодая женщина. — Как бы высоко мы ни забирались вверх, мы все же точно невидимым канатом при-

вязаны к земле. От нее не уйдешь!

Солнце близилось к закату. Внизу, на глубине двух с лишним тысяч метров, раскинулся Лондон, походивший отсюда на поле, изборозженное во всех направлениях межами.

Элеонора нажала прикрепленную к столу кнопку — и Лондон вдруг приблизился, вырос, принял ясные очертания. Можно было уже различить Вестминстерский дворец, Трафальгарскую колонну, Тауэр.

Потом Элеонора снова нажала кнопку, — и Лондон опять чуть стал виден, словно он нырнул в самое дно воздушного океана.

— Давайте посмотрим другие воздушные виллы! — продолжала Элеонора.

Она придвинула кресло к вделанному в стене циферблату и начала передвигать на нем стрелки; в поле их зрения ясно выступала та или иная воздушная вилла. Каждую из них Элеонора сопровождала комментариями, чаще всего злыми и насмешливыми.

— Вот вилла этого разбогатевшего колбасника Гордона. За километр пахнет свининой! Посмотрите, какое безвкусие! Говорят, что она построена в стиле чикагских боен... А это вот вилла чудака Брайса, который после измены своей жены окончательно покинул землю, устроился на высоте 4000 метров и сидит там безвыходно, никого к себе не допуская... Внимание! Вилла нашего знаменитого художника Кеннеди. Настоящей музей! В нее слетаются художники со всех концов света. Вы не знакомы с Кеннеди? Ба! Небоскреб Джима Морли. Целых девять этажей! Настоящее воздушное пугало. У него тут и банки, и конторы всякие: он сюда все дела из Лондона перевел. Даже театр тут завел, и здесь часто выступают знаменитости сцены...

— Если, я не ошибаюсь, сюда кто-то летит! — перебил Элеонору Джон Бернс, стоявший у балюстрады.

Она тоже подошла к балюстраде и взглянула вниз.

— Мой муж! — воскликнула она — Я узнаю его гондолу! Он, по-видимому, вздумал нанести нам визит. Но я теперь очень мало расположена принимать его...

Она подумала немного.

— Вот что, дорогой друг: вы, кажется, любите приключения?

Он иронически поклонился.

— И ничего не будете иметь против... ну, несколько рискованных воздушных гонок?

— С вами, Элеонора...

— Не забывайте, что мой муж будет преследовать нас, как рассвирепевший охотник ускользнувшую дичь.

Вместо ответа он галантно поцеловал ей руку.

— Вот и прекрасно! — воскликнула она. — Выключите, пожалуйста, ток... В углу направо... Так...

В то же мгновение вилла, словно снявшийся с якоря корабль, плавно понеслась по воздуху.

Элеонора стала у циферблата, регулирующего движение.

— Я — капитан этого корабля! — с улыбкой сказала она.

— Я здесь располагаю правом жизни и смерти — и требую беспрекословного повиновения.

Он низко поклонился.

Вилла быстро поднялась вверх, потом забрала вправо, по направлению к Атлантическому океану.

— Прокатимся в Америку! — воскликнула Элеонора.

— Слушаю-с, господин капитан! — снова поклонился Бернс.

5.

Вилла неслась на высоте четырех с лишним тысяч метров над океаном.

— С какой скоростью мы летим, капитан? — спросил Бернс.

— 340 километров в час

— А супруг ваш не отстает! Скоро, пожалуй, догонит.

— Вряд ли. Я знаю его гондолу: для гонок она не годится. Впрочем, лучше увеличить скорость.

И она перевела стрелку с 340 на 400 километров. Потом она нажала кнопку подъема — и вилла птицей взмыла к самым облакам, которые барашками рассыпались по всему небу.

Джон Бернс, облокотившись на балюстраду, безмятежно дымил сигарой, и на лице его играла легкая улыбка. Приключение это положительно начинало ему нравиться!

— У меня, кстати, в Нью-Йорке дело есть! — сказал он. — В ресторане Клинга, говорили мне, подают к десерту какой-то необыкновенный шербет, и я давно уже собирался слетать туда, чтоб отведать его... Когда мы будем в Нью-Йорке?

— Завтра около полудня.

— Великолепно. Приглашаю вас к Клингу пообедать. А наш преследователь, кажется, порядком отстал!

— Да, между нами километров 30-40! — отозвалась Элеонора. — Постойте-ка! — вдруг воскликнула она. — Он хочет говорить с нами! Видите, он зажег сигнальный огонь... Что ж, послушаем!

Она открыла радиоприемник — и тотчас же раздался возбужденный голос Тома Гранта.

— Алло, Элеонора! Довольно глупостей! Теперь мы квиты, и я предлагаю тебе бросить эту комедию. Не забывай, что дело идет о моей чести...

Она подчеркнуто громко расхохоталась в самый аппарат.

— Элеонора! Одумайся, пока не поздно! — снова донесся голос Гранта. — Ты носишь мое имя — и я не могу допустить...

— Идиот! — с презрением бросила она.

— Так ты вот как! — бешено крикнул Грант. — Послушайте же, что я вам скажу... Тебе, Элеонора, и вам, мистер Бернс: если через пять минут вы не повернете назад, по направлению к Лондону, я обоих вас сожгу живьем. Поняли?

Десять минут спустя Том Грант, связавшись по радио с главным полицейским управлением Лондона, спокойным, ровным голосом доносил:

— Я, Том Грант, живущий на Риджет-стрит, в доме № 73, только что поджег на расстоянии 35 километров, с помощью джексоновых лучей, воздушную виллу, носившую имя моей жены Элеоноры, урожденной Соммерстон. Вилла, объятая пламенем, упала в океан. Находившиеся в ней жена моя и мистер Джон Бернс погибли. Отдаюсь в распоряжение полиции.

Был уже десятый час ночи, когда гондола с Томом Грантом, эскортируемая двумя полицейскими аэропланами, приближалась к Лондону. Высоко над городом, задевая облака, горела гигантская надпись: «Потрясающая драма в воздухе! Заживо сожженные в воздушной вилле!»

Том Грант взглянул на огромные огненные буквы, перед которыми, казалось, испуганно тускнели звезды, — и перевел стрелку на максимальную скорость. Потом он посмотрел на летевших по обе стороны его полисменов и промычал сквозь зубы:

— All right!

Снизу все яснее поднималось гигантское зарево: то приближалось море огней неутомонного ночного Лондона...

ЧЕЛОВЕК С СЮРПРИЗАМИ

Рассказ

— Не узнаете? Шварц, Александр Шварц... Представитель крупных мануфактурных фирм. Имел удовольствие познакомиться в курьерском поезде, между Берлином и Лейпцигом, года три тому назад. Счастлив возобновить знакомство!..

Я спешил куда-то по нужному делу, но отделаться от г. Шварца было не так-то легко. Он почти силой потащил меня в ближайшее кафе.

Мы уселись за угловой столик, и Шварц заговорил. Боже, как он говорил! Как-то жадно, захлебываясь. Можно было бы подумать, что он до отказа набит словами, задыхается ими и спешит от них избавиться. Это был живой пулемет, стрелявший словами. Так — так — так — так... 600 слов в минуту!

В каких-нибудь четверть часа я узнал всю подноготную о нем самом, о фирмах, от которых он разъезжает, и о фирмах, которые дают ему заказы, о степени их солидности и даже о том, когда и при каких обстоятельствах та или иная из них вывернула шубу.

Наконец-то! Словесный пулемет замолк, и г. Шварц, откинувшись на спинку кресла, с минуту переводил дух.

— Вы курите? — спросил он, передохнув.

Не дождавшись ответа, он достал черный кожаный портсигар и протянул мне его.

— Из человеческой кожи! Не верите? Можете убедиться!

На портсигаре, действительно, красовалась тисненая золотыми буквами надпись:

«Из человеческой кожи».

— Не пугайтесь! — поспешил г. Шварц успокоить меня.

Он открыл портсигар — и я прочел на внутренней сто-

роне: «Не выделяется!»

— Понимаете? Портсигар из человеческой кожи не выделяется!

Мы взяли по папиросе. Шварц вдруг навел на меня небольшой браунинг из черной стали. Я инстинктивно отодвинулся.

— Закурите, пожалуйста!

Браунинг оказался самой обыкновенной зажигалкой.

— Эта штука всегда производит впечатление! — самодовольно сказал Шварц. — Представьте себе, что меня ночью где-нибудь настигают бандиты и, как водится, просят огня. «Огня?» — спрашиваю я. — «Извольте!» И навожу на них свой браунинг! Ручаюсь вам, что они молниеносно обратятся в бегство!

Мы закурили.

— Однако, кельнера тут не особенно торопят! — сказал Шварц. — Надо напомнить о себе.

Он сунул руку к боковому карману — и вдруг что-то резко зазвонило. Все бывшие в кафе повернули головы в нашу сторону. Шварц опустил руку — и звон прекратился.

— Что прикажете? — спросил прибежавший кельнер, бегая глазами по сторонам в поисках звонка.

Мы заказали кофе, и он ушел.

— Видите вы эту вот пуговицу? — спросил Шварц, отвернув пиджак.

Внутренний карман пиджака был застегнут крупной металлической пуговицей.

— У меня в нее миниатюрный электрический звонок с батареей вделан. Новое изобретение, на Чикагской выставке фигурировать будет. Удобная штука, особенно для человека, который, как я, много разъезжает. Представьте себе, что я ночью засыпаю в вагоне. Бумажник у меня застегнут на эту вот пуговицу; если вор до нее дотронется, пойдет такой трезвон, что все пассажиры вскочат!

— Приходилось уже вам пускать это изобретение в ход? — заинтересовался я.

— Как же! Не дальше, как на прошлой неделе случай вышел... В поезде между Веной и Зальцбургом... Вор попался

опытный, выдавший виды. Поддельным ключом отпер наше купе и прежде всего отвинтил электрическую лампочку, чтоб пассажиры не могли включить свет. Ну, и вот... Нас в купе было четыре человека. Я был ближе всего к двери, и он прежде всего взялся за меня. Шарил, шарил, да и дошарился! Тронул пуговицу эту самую — и такой звон пошел, что все вскочили. Я схватил вора за руку и крепко держу...

— Все в темноте?

— Лампочку-то он отвинтил, но у меня с собой всегда имеется своя собственная. Не угодно ли взглянуть?

Он взял свою палку, закрыл ее полою пиджака и нажал какой-то шарик. Показалась полоса света.

— У меня в набалдашнике электрический фонарик! — пояснил — пояснил Шварц. — Теперь солнечный свет мешает, но в темноте ни дать ни взять дуговой фонарь!

Он любовно погладил палку и прибавил:

— Вообще, это очень удобная штука!

— Наверное, с зонтиком? — спросил я.

Он презрительно усмехнулся.

— Старо! Теперь всякий дурак с палкой-зонтиком разгуливает. Нет, у меня поинтереснее: палка-стул!

— ?!

— Да, палка-стул. Представьте себе, что вы где-нибудь на скачках. Иногда долгие часы приходится на ногах стоять. Или, скажем, в переполненном вагоне. Стула и скамьи ни за какие деньги не достанешь, но у меня есть мое собственное кресло. Не угодно ли?

Он отвинтил от палки набалдашник — и стал вытаскивать из нее, один за другим, металлические прутья разной величины. Провозившись с ними около минуты, он составил складной стул, — вернее, табурет.

— А чтоб не было твердо сидеть, мы сейчас подушечку положим!

Он достал из одного из своих бесчисленных карманов сложенную каучуковую подушечку, занимавшую немногим больше места, чем носовой платок, тут же надул ее и положил на составленный им табурет.

— Первоклассная мягкая мебель! — показал он жестом

приказчика, расхваливающего товар. — Смело можете сесть, — любого толстяка выдержит!

Потом он выпустил из подушечки воздух, спрятал ее в карман и разобрал табурет.

— Из этих прутьев я, в случае нужды, могу составить очень удобный пюпитр. Я люблю почитать перед сном, и — вы понимаете?.. Лежишь это в купе, укрепил перед собой пюпитр, а на пюпитр книгу...

Говоря так, он возился с прутьями и очень скоро составил самый настоящий пюпитр.

— Палка-стул-пюпитр! — усмехнулся я.

— Вы забыли фонарь! — напомнил Шварц.

И вдруг, без всякого перехода, спросил:

— Хотите послушать музыку? Сейчас посмотрим, что теперь в радио...

Он развернул лежавшую на столе газету.

— 6 час. 40... Попурри из новых опереток... Интересно!

Он посмотрел на свои карманные часы.

— Теперь без десяти семь. Как раз вовремя... Слушайте!

Он нажал кнопку на своих часах — и я услышал арию из «Виктории и ее гусара».

— Карманная антенна... В часах! — с торжеством пояснил Шварц. — Совсем новое изобретение. С одной стороны часовой циферблат, а с другой радиоаппарат. Очень удобная штука. Представьте себе, что вы сидите в вагоне...

Я живо представил себе Шварца в вагоне. Вытянувшись на диване, с романом на пюпитре, он курит зажженную от браунинга папиросу и слушает карманное радио.

Он заинтриговал меня, и я украдкой поглядывал на его костюм, шляпу, галстучную булавку, перстни, часовую цепочку: мне чудились всевозможные, искусно скрытые в них, новые чудеса. Вдруг в его перстне с огромным аметистом спрятан какой-нибудь миниатюрный, только что изобретенный фотографический аппарат, под лацканом пиджака скрыт какой-нибудь универсальный музыкальный инструмент, а цепочка от часов обладает такой магнетической силой, что в состоянии притянуть металлические деньги из кармана ближнего!

Когда Шварц положил правую ногу на левую и постучал пальцем по каблуку, я насторожился: тут, наверное, скрыто какое-нибудь самоновейшее техническое чудо! Я смотрел и ждал.

— Чего это вы так на мой каблук уставились? — спросил Шварц.

— Я хотел бы знать, что в нем скрыто!

— Представьте себе, ровно ничего!

Он хлопнул себя по лбу.

— А ведь вы правы! Полый каблук мог бы быть прекрасным тайником! Например, при переезде через границу, чтобы скрыть от таможенных крыс валюту.

— Вы, наверно, уж кое-что против них придумали! — высказал я догадку.

— Да, кое-что! — скромно ответил он. — У меня они немного возьмут. Но это секрет изобретателя...

Он взял в руку брелок от часов.

— Угадайте, что тут?

— Пишущая машина?

— Не угадали!

— Дорожный бильярд? Вагонный теннис? Передвижной погребок? Портативная гимнастика?

— Нет, нет и нет. Всего лишь стереоскоп. С пикантными картинками, хе-хе-хе! Не угодно ли полюбоваться? У меня тут две серии: гарем последнего султана и красавицы ночного Парижа.

— А в этом перстне что у вас? Неужели ничего? — заинтересовался я.

Он опасливо оглянулся, потом, наклонившись ко мне, конфиденциально зашептал:

— Белый порошок... Понимаете?! Нирвана! Полное и абсолютное перерождение! Не могу без него, втянулся... Всегда с собой везу...

И он нежно, как любимую женщину, погладил огромный аметист своего перстня.

— А в этой вот галстучной булавке...

Шварц сделал паузу, как бы подготавливая меня к ошеломляющему сообщению.

— ... цианистый калий... На всякий пожарный случай, как говорится.

Я невольно взглянул на перстень со скрытым в нем белым порошком — и подумал, что раньше или позже Шварцу сможет пригодиться цианистый калий, который хранится в его великолепной галстучной булавке. В жизни этого человека с сюрпризами это был бы последний сюрприз, без продолжения...

СРЕДИ МАРСИАН

(Новогодний рассказ)

I.

Встреча Нового года у директора обсерватории Керстена прошла шумно и весело. Уже после полуночи разгорелся жаркий спор о том, обитаем ли Марс. Потом молодой астроном Болотин, который всех заражал своей жизнерадостностью, с комической серьезностью провозгласил тост за марсиан и выразил пожелание, чтобы собравшиеся следующий Новый год встретили на Марсе.

Был уже третий час ночи, когда Керстен, возбужденный спорами и вином, ушел к себе и лег спать.

Едва только он забылся сном, в дверь раздался легкий стук.

— Войдите! — сказал Керстен, проснувшись.

Дверь отворилась — и вошел высокий человек, весь в черном, напоминающий средневекового мага или алхимика.

Керстен присел на кровати.

— Кто вы? Чего вам надо?

— Вы хотели отправиться на Марс? Аппарат стоит у дверей и готов к отлету. Вам остается не больше пяти минут на сборы.

Керстен нисколько не удивился. Он быстро оделся, расставил по карманам портсигар, спички, записную книжку, повесил через одно плечо кодак, а через другое полевой бинокль.

— Я готов!

— Идемте.

Через несколько минут Керстен и незнакомец уже сидели в аппарате, который тотчас же отделился от земли и помчался вверх.

— С какой скоростью мы летим? — спросил Керстен.

— Со скоростью света.

— Гм... Значит, 300.000 километров в секунду?

— Да, около этого.

Керстен сбоку посмотрел на незнакомца, который сидел у руля.

— Вы марсианин?

— Нет, я с Сатурна. В моем ведении находится все междупланетное сообщение.

— А! Это любопытно! Какие же планеты вы обслуживаете?

— Все, кроме Земли. Это мой первый рейс на Землю. Я его предпринял на собственный страх и риск, и никто пока об этом не должен знать.

— Но почему? Я не понимаю...

— Вы многого не понимаете и понять не можете, — сухо отрезал заведующий междупланетным сообщением.

Керстен опасливо покосился на него и решил было помолчать, но любопытство взяло верх.

— А на Луну вы тоже летаете? — спросил он.

— Она для нас не существует. Это труп, который могильщики Вселенной забыли похоронить.

— Мне все же хотелось бы взглянуть на нее!

— Поздно вспомнили: мы над нею поднялись уже на добрых 50 миллионов километров. Отсюда вы можете ее разве только в очень сильный телескоп разглядеть.

— А до Марса еще далеко?

— Через 5 минут 30 секунд мы на него спустимся! — сказал незнакомец, взглянув на какой-то циферблат. — Приготовьтесь. Я высажу вас, слетаю на Сатурн — и ровно через 14 минут 40 секунд вернусь, чтобы доставить вас обратно на землю.

— 14 минут?! — воскликнул Керстен.

— И 40 секунд! — холодно поправил незнакомец.

— Да, но этого слишком мало! Мне надо столько осмотреть!

— Очень жаль, но не могу вам помочь. Ровно через 14 минут и 40 секунд вы должны будете покинуть Марс. По-

старайтесь возможно целесообразнее использовать это время.

Он подумал немного и прибавил:

— Вам, быть может, интересно было бы побывать на заседании марсианского астрономического общества? На повестке как раз стоит вопрос о Земле.

— О да! — с жаром воскликнул Керстен.

— Хорошо. Я вас доставлю прямо в зал заседания. Я устрою так, что вас никто из присутствующих видеть не будет. Вы, с своей стороны, ничем не должны выдать своего присутствия: что бы вы ни видели и ни слышали, молчите. Иначе могут выйти крупные неприятности. Как я уже сказал вам, сношение с Землей пока еще составляет тайну. Осталось 37 секунд. Приготовьтесь!

II.

Аппарат дернулся, точно налетев на какое-нибудь препятствие, — и не успел Керстен опомниться, как очутился в небольшом, цилиндрической формы, очень высоком зале, круглые стены которого как бы сделаны были из непрерывно струящегося и переливающегося голубого света. Потолка не было. Высоко над головой висели какие-то небесные светила, положения которых в нашей солнечной системе тщетно пытался определить Керстен. Вся обстановка зала казалась сделанной из какого-то струящегося голубоватого вещества и имела очень неопределенные очертания.

Посредине стоял длинный стол, за которым сидели до полусотни марсиан. Вместо одежды тела их покрывала легкая голубая дымка. Она же покрывала и лица их, так что Керстен, несмотря на все усилия, не мог разглядеть отдельных черт.

Появление его в зале никого не удивило: его, по-видимому, не замечали.

Заседание было в самом разгаре. Керстен слушал с напряженным вниманием. Он не мог бы сказать, на каком язы-

ке говорили его коллеги с Марса, да этот вопрос и не занимал его. Важно было только, что он все понимал.

— Итак, уважаемые коллеги, — заговорил сидевший в центре стола марсианин, очевидно, председатель. — Мы должны с грустью констатировать, что все наши попытки завязать сношения с Землей окончились полной неудачей. Наши световые сигналы, над которыми годами работали лучшие умы нашей планеты, точно так же, как и наши радиogramмы, которые мы не устаем посылать на Землю, остаются без ответа. Возможно, что они не могут проникнуть через окружающее ее атмосферное кольцо и отскакивают от него, как снаряд от непроницаемой брони. Мы возлагали большие надежды на 20-е октября, когда расстояние между Землей и нами было всего 69 миллионов километров. К нему усердно готовились наши обсерватории и радиостанции. Земле были посланы радиоприветы в самых теплых выражениях. На некоторых пунктах нашей планеты были устроены гигантские светящиеся круги, квадраты и треугольники, в надежде, что обитатели Земли смогут разглядеть их в свои телескопы. Мы пошли еще дальше: ровно в полдень 20-го октября мы взорвали на воздух огромные, чуть не с Луну величиной, пустынные участки — все с той же надеждой обратить на себя внимание обитателей этой загадочной планеты. Увы! Все это ни к чему не повело. Земля по-прежнему остается для нас неразрешимой загадкой, таинственной незнакомкой, которая упорно уклоняется от всяких сношений с нами. Естественно поэтому, что среди марсиан, — в частности, среди наших астрономов — все более крепнет убеждение в необитаемости Земли. К такому же мнению склоняется и комиссия, которой мы поручили всестороннюю разработку этого волнующего вопроса. Я позволю себе предоставить слово председателю этой уважаемой комиссии.

Из-за стола поднялся высокий марсианин, тело и лицо которого были покрыты зыбкой голубоватой дымкой.

— Дорогие коллеги, — заговорил он. — Прежде чем повергнуть на ваше усмотрение наш доклад, я считаю нужным резюмировать в немногих словах его сущность. Комис-

сия, в которой я имею честь председательствовать, тщательно рассмотрела все имевшиеся в ее распоряжении материалы, заслушала мнение специалистов в разных отраслях знания, снеслась с коллегами с Сатурна, Юпитера и др. планет, — и пришла к единодушному выводу, что всякие попытки завязать сношения с Землей были и будут бесплодны, — по той простой причине, что эта планета необитаема.

Послышался гул одобрительных возгласов.

— Я это еще тридцать лет тому назад утверждал! — сказал один из присутствующих.

— Да, Земля — планета необитаемая, — продолжал докладчик. — Есть основания предполагать, что много миллионов лет тому назад на ней была органическая жизнь, жили более или менее разумные существа, процветали науки, искусства. Но с тех пор — по всей вероятности, в результате какой-нибудь космической катастрофы, — Земля умерла, вычеркнута из списка живых планет и носится в пространстве, как гигантская усыпальница, в которой обрели вечный покой миллионы миллионов живых существ. Это труп, давно уже окоченевший, без всяких признаков жизни. К такому выводу приводит и тщательное исследование, с помощью спектрального анализа, окружающей Землю атмосферной оболочки: в такой атмосфере, ввиду ее чрезвычайной плотности, невозможна никакая жизнь. Достаточно сказать, что на каждое живое существо приблизительно таких же размеров, как мы, марсиане, приходилось бы около 15 тонн атмосферного давления, чего никакой нормальный организм вынести не в состоянии. Конечно, можно было бы предположить, что Земля населена гигантами, по меньшей мере, в 100 метров ростом и соответствующего телосложения. Такие существа, быть может, и могли бы выдерживать давление в 15 тонн. Но подобную гипотезу, как совершенно абсурдную, комиссия единодушно отвергла. И единственный вывод, к которому мы пришли и которого никто из здесь присутствующих, надеюсь, не станет оспаривать, это — что Земля планета мертвая, на которой нет и не может быть никакой органической жизни...

— Неправда! — крикнул вдруг во всю силу легких Керстен. — Все, что вы здесь говорили — дикий вздор и...

Но в это мгновение тяжелая рука опустилась на его плечо. Керстен вздрогнул и увидел таинственного незнакомца, который доставил его на Марс.

— Пора возвращаться на Землю! — сказал тот. — Идем! Аппарат ждет.

Керстен с силой оттолкнул его и подбежал к столу, за которым сидели марсиане-астрономы.

— Неправда! — еще громче крикнул он. — Ваша комиссия лжет. Земля обит...

Все вскочили с мест. Кто-то заткнул ему рот. Десятки железных рук схватили его и куда-то повлекли.

Керстен стал вырываться — и с размаху грохнулся об пол. От ушиба он проснулся, но долго еще не мог прийти в себя и все повторял:

— Неправда! Земля обитаема!..

АВТОМАТЫ

Рассказ

I.

Мистер Брайт проснулся, потянулся, с минуту приводил свои чувства в порядок, потом, приподнявшись на локте в постели, нажал над изголовьем кнопку с надписью «Завтрак».

Тотчас же в противоположной стене раскрылась дверца — и в ней появилась горничная-автомат в белом переднике с кокетливой косынкой на голове. Она подтолкнула к кровати небольшой, черного дерева стол, на котором стоял поднос с кофейником, молочником, дымящейся яичницей и аппетитно поджаренными гренками, церемонно поклонилась — и стала наливать барину кофе. Пока он пил и ел, она скромно стояла в стороне, сложив под передником руки и опустив глаза, как если бы ее шокировало утреннее неглиже мистера Брайта.

«Спасибо, Мэри!» — сказал он, вытерев салфеткой губы и фамильярно взяв горничную рукой за подбородок.

Она с видом оскорбленного достоинства отвернулась, собрала на поднос посуду, потом задом попятилась вместе со столом к противоположной стене.

Когда она исчезла, мистер Брайт спустил ноги на тигровую шкуру и нажал кнопку с надписью «Туалет». Тотчас же от той же стены отделился туалетный стол с зеркалом, подталкиваемый автоматом-парикмахером, почтенным джентльменом с холеными усами и в белоснежном кителе. Он грациозно и почтительно, хотя с большим достоинством и не без некоторой фамильярности, поклонился мистеру Брайту, подошел к нему вплотную, деликатно взял в руки его подбородок, обвязал вокруг шеи салфетку, — и приступил к делу. Добрых пять минут он намыливал щеки барина, потом дважды выбрил их, а покончив с бритьем, опры-

скал лицо тонкими духами из пульверизатора, вытер щеки мохнатым полотенцем, напудрил их немного, причесал с помощью целого арсенала щеток и гребешков волосы, — наконец, отступив шага на два, поднес мистеру Брайту небольшое круглое зеркальце и, дав ему полюбоваться собой, вместе с туалетным столом стал пятиться назад, предварительно отвесив барину почтительный, но в то же время полный достоинства поклон.

После парикмахера на сцену выступил автомат-камердинер.

Он принес свежее белье и тщательно выутюженный и вычищенный костюм мистера Брайта. Через десять минут мистер Брайт стоял перед зеркалом безукоризненно одетый, а автомат-камердинер, представительный старик с седыми бакенбардами, заботливо оглядывал со всех сторон барина и старательно снимал с плеча его ухитрившуюся спрятаться на нем пушинку.

Когда мистер Брайт, в пальто и шляпе, с тростью в руке, выходил из дома, высоченный негр-автомат с огромными как тарелки, вращающимися белками, услужливо отворил перед ним массивную дверь, а другой автомат, еще внушительнее в чернее, приветливо осклабив свои ослепительно белые зубы, проводил его до стоявшего у подъезда аэромотора, усадил его и крикнул автомату пилоту: «Пошел!».

В то же мгновение аэромотор, с легкостью и непринужденностью птицы, поднялся на воздух.

Автоматический регистратор на центральном аэродроме отметил, что АЕ 132 поднялся в 8 часов 42 минуты 16 секунд и улетел в северо-западном направлении.

II.

Когда мистер Брайт вошел в свое бюро, его почтительно встретил, выстроившись по обе стороны двери, весь штат автоматов: секретарь, бухгалтер, две радиографистки и бой на побегушках в курточке со множеством медных пуговиц.

Все отвесили ему глубокий поклон. Он небрежно кивнул головой, бросил пальто, шляпу и трость бою и сел на пешню придвинутое ему секретарем кресло.

Секретарь, щеголеватый молодой человек с огромными фальшивыми бриллиантами в пестром галстуке и множеством золотых зубов, подал ему последнюю радиопочту.

— Как живем, мистер Комб? — дружески спросил мистер Брайт, ласково хлопнув его по плечу.

Но отвечать на такие праздные вопросы, по-видимому, не входило в круг обязанностей секретаря-автомата, потому что он смущенно молчал, как бы совестясь за совершенно неуместную болтливость патрона.

— Глуп же ты, братец, вот что я тебе скажу! — бросил ему мистер Брайт. — Ты знаешь только то, что тебе вдолбили в твою медную башку, а сам ничего сообразить не можешь.

И он щелкнул секретаря в лоб, но тотчас же с выражением боли на лице отдернул руку.

— Ну и лбина же у тебя, брат!

Потом началась официальная часть.

Секретарь, слегка выгнув свою металлическую спину, подал мистеру Брайту какую-то бумагу. Мистер Брайт пробежал ее глазами. «Из Манчестера заказ на 600 моторов... В трехмесячный срок... Гм...».

Он сделал резкое движение, и бумага упала на пол. Секретарь-автомат не шевелился.

— Подними, дурак! — крикнул мистер Брайт.

Туловище секретаря начало медленно сгибаться. При этом у него сильно скрипели шарниры на спине.

— Опять скрипишь? — сердито бросил ему мистер Брайт. — Эти смитовские автоматы никуда не годятся! Надо будет выбросить его и заменить гаррисоновским...

Мистер Брайт нажал на столе какую-то кнопку. Секретарь, пятясь, отступил на свое обычное место, причем вся его фигура выражала крайнее смущение.

— Мисс Кресби!

Мистер Брайт нажал еще одну кнопку.

— Здесь! — ответила первая радиографистка голосом, в котором звучали все металлы недр земных.

В то же мгновение она выпрямилась и опустила длинные худые пальцы с розовыми ногтями на клавиши радиографона, перед которым сидела.

— Мисс Кресби! — строго сказал мистер Брайт. — Вы, кажется, опять надушились этими ужасными духами? Наверное, подарок этого идиота-бухгалтера, вашего вздыхателя! Ну и вкус же у него!.. Вот что, мисс Кресби: если вы еще раз надушитесь этой гадостью, вы через 24 часа будете валяться в сарае рядом с другими автоматами-инвалидами! Прошу вас запомнить это. А теперь пишите!

И мистер Брайт стал диктовать в стоявший на столе изящный рупор. Пальцы мисс Кресби быстро бегали по клавишам, а когда письмо было готово, к ней танцующей походкой подошел бой со множеством медных пуговиц, взял из радиографа бумагу и, так же танцуя, отнес ее мистеру Кребсу, который пробежал ее глазами в подписал...

III.

Аэромотор мистера Брайта опустился на площадке 49-го этажа универсального магазина Крептон и Комп., где помещался обувной отдел.

— Ждать здесь! — приказал он пилоту-автомату.

Тот почтительно приложил руку к козырьку.

Как только мистер Брайт вошел в магазин, к нему пробежал автомат-заведующий отделом, джентльмен с внешностью грансенъора, в безукоризненном рединготе и белоснежной манишке с бриллиантовыми запонками. Он подвел мистера Брайта к металлическому указателю сортов обуви и цен. Мистер Брайт нажал одну из кнопок. Тотчас же к нему подскочила продавщица-автомат в кокетливой черной блузе поверх платья, пододвинула ему высокий стул, знаком попросила его сесть, потом достала указанные им ботинки и, став перед ним на одно колено, стала примерять их.

Мистер Брайт смотрел сверху на ее безукоризненную прическу с высоким испанским гребнем на затылке — и его почему то охватила такая злоба, что ему хотелось ткнуть ее ботинком в подбородок.

Несмотря на то, что в магазине были десятки покупателей, перед каждым из которых стояли автоматы-продавщицы, вокруг царила мертвая тишина. «Если ее по роже кулаком треснуть, тоже не закричит, подлая!» — злобно подумал мистер Брайт.

Выбранные им ботинки куда-то покатались по рельсам, и получил он их только тогда, когда уплатил автомату-кассиру их стоимость.

У выхода управляющий любезно осклабился и поклонился ему, но мистер Брайт почему-то вдруг пришел в такое бешенство, что плюнул этому грансеньору с бриллиантовыми запонками в лицо — и поспешно выбежал.

IV.

Мистер Брайт сидел в огромном, битком набитом фешенебельной публикой зале величайшего в мире театра «Космос».

По сцене, богато декорированной тропическими растениями и ярко залитой светом гигантских прожекторов, суетливо бегал взад и вперед автомат-конферансье с цилиндром в одной руке, тростью и канареечного цвета перчатками в другой.

— Почтеннейшая публика, — разносился по залу его звенящий голос, — сейчас услышит неподражаемого виртуоза-автомата Джонса Кембриджа, который только что вернулся из своего шумевшего турне по Европе! На скрипке, подаренной ему Академией искусств в Париже, он исполнит несколько номеров своего богатого репертуара. Обратите внимание на огромную силу чувства, которое этот несравненный артист вкладывает в каждое движение своего смычка! Аккомпанирует мистеру Кембриджу знаменитый пианист-

автомат Гарри Честер.

Конферансье, без конца кланяясь и задом пятясь к двери, исчез. На сцену вышел мистер Кембридж в сопровождении своего аккомпаниатора. Виртуоз-автомат был высокого роста и прекрасного сложения, брюнет, с артистической шевелюрой и золотым пенсне на строгом римском носу. На нем были безукоризненно сшитый фрак, жилет с огромным, до пояса, вырезом, гофрированная манишка с ослепительными запонками, брюки с тщательно выутюженными складками и блестящие лакированные туфли.

При его появлении зал огласился громом аплодисментов. Он выждал их окончание, скромно, с большим достоинством поклонился, отбросил рукой непокорную прядь волос со лба, потом не торопясь положил на левое плечо сложенный вчетверо носовой платок, а на платок скрипку, примостил ее поудобнее, слегка склонил к ней голову, вытянул руку со смычком — и застыл в ожидании.

Автомат-аккомпаниатор с силой ударил по клавишам рояля. Мистер Кембридж пропустил несколько тактов, потом грациозным жестом опустил смычок на скрипку — и зал наполнился ураганом властных, захватывающих, покоряющих душу и сердце звуков.

Когда он кончил, публика в каком-то иступленном восторге вскочила с мест — и казалось, что весь «Космос» задрожал всеми своими сорока семью этажами от урагана криков и аплодисментов.

Мистер Брайт смотрел вокруг себя — и ему чудилось, что все эти беснующиеся мужчины и дамы тоже автоматы, которых завел какой-то невидимый машинист, и что как только пружина дойдет до конца, все они станут такими же безжизненными, как и отслужившие свою службу автоматы, которых потом сваливают в сарай.

Он даже самого себя пощупал, словно ища скрытый под платьем механический завод: быть может, и он всего лишь автомат?..

V.

— Хочешь, я поведу тебя в одно очень интересное место, еще мало кому известное? — предложил мистеру Брайту его приятель Блекстон. — Нечто в высшей степени новое и оригинальное.

Мистер Брайт с радостью принял предложение.

Приятели сели в аэромотор — и минут через пять спустились на самой окраине города перед каким-то приземистым, одноэтажным, невзрачным домом. Еще пять минут спустя оба сидели в маленьком, тускло освещенном кабаке, в глубине которого было нечто вроде сцены. Кругом, за столиками, сидели еще человек двадцать. Добродушный толстяк-хозяин поставил перед мистером Брайтом и его приятелем вино и закуску.

— Прекрасный автомат! — сказал мистер Брайт. — Интересно бы знать, чьей это фабрики?

— Фабрики Господа Бога! — ответил мистер Блекстон. — Это не автомат, а человек во плоти и крови.

— Ты, быть может, вздумаешь утверждать, что и этот шут гороховый, что на сцене кривляется, тоже не автомат?

— Джек Клайнс? Ха-ха-ха! Пригласи его выпить стаканчик — и тебе придется заказать еще не одну бутылку! Он на днях выпил на пари, в один присест, полдюжины пива, две бутылки красного и пол-литра крепчайшего виски.

Джека Клайнса сменила на сцене девица в увешанном блестками платье и небрежно накинутой на плечи испанской шали, с кастаньетами в руках. Под аккомпанемент разбитого рояля она стала плясать, ловко постукивая в такт кастаньетами. Кое-кто из публики захлопал в ладоши. «Молодец, Фрина!» — крикнул какой-то пьяный голос.

Мистер Брайт с недоумением взглянул на приятеля. Тот понял.

— Нет, милый, не автомат!

Мистер Брайт скоро имел полную возможность лично в этом убедиться: Фрина сидела у него на коленях, а он, уже сильно под хмельком, тщетно искал под ее корсажем

механический завод.

— Интересно, очень интересно! — бормотал он заплетаящимся языком, выходя уже под утро из кабачка. — Интересно, а главное — ново! Ни одного автомата!.. Чертовски оригинально!..

В 2000-ОМ ГОДУ

(Фантастический рассказ)

1.

В Париже, Лондоне, Берлине, Москве, Вене, Риме, во всей Европе развевались голубые флаги с вышитыми на них золотыми буквами «С. С. Е. Р.» — «Свободный Союз Европейских Республик».

Была середина декабря.

Везде шли деятельные приготовления к рождественским праздникам.

К городским аэростанциям то и дело подлетали аэробусы с подарками и лакомствами для детей. На одних были игрушки из Нюрнберга, на других — фрукты из Валенсии и Смирны, на третьих — цветы из Ниццы, с Канарских островов, с берегов Ганга. На особых аэромоторах привозили баллоны с конденсированным воздухом Ривьеры, Крыма, Тасмании.

Телевизифон работал всюю. Иван Сергеевич Карпатов, которому Московская городская управа поручила устройство рождественской елки, совсем захлопотался. Он без конца вел переговоры с появлявшимися на экране в его кабинете директорами театров, артистами и артистками, певцами, певицами, представителями отдельных городов. Надо было выработать общую программу, столкнуться относительно целого ряда деталей.

Уловив момент, когда на экране никого не было, Иван Сергеич жажал кнопку телевизифона.

— Дайте мне, пожалуйста, метеорологическую станцию!

Несколько секунд спустя на экране выступил кабинет директора этой станции.

Он ласково кивнул головой.

— Здравствуйте! Чем могу служить?

— Скажите, пожалуйста: какая завтра перед вечером будет температура?

— Между 13 и 15 градусами ниже нуля!

— Этак у нас дети мерзнуть будут. Потрудитесь свести температуру до трех градусов.

— К вашим услугам.

— И, пожалуйста, чтоб снег не падал!

— Слушаю!

Едва исчез с экрана кабинет директора метеорологической станции, раздался сигнальный звонок — и на экране выступила огромная аэроторпеда, у волана которой сидела закутанная фигура.

— Честь имею! — заговорила она. — Летчик Громов. Нахожусь со своим «Орлом» за пределами притяжения земли, по пути на Луну. Мой привет детям, которые соберутся завтра вокруг елки. Если полет мой удастся, я привезу им в подарок образчики лунной флоры... Быть может, даже целую елку...

2.

На другой день к вечеру почти все уже было готово.

Иван Сергеевич отдавал последние распоряжения. В огромном думском зале сустились стальные роботы, одетые в зеленые куртки с блестящими пуговицами и такого же цвета узкие брюки со штрипками, с плоскими форменными бескозырками на голове. Они размещали в вазах последние, только что доставленные цветы, хлопотали у накрытых столов, у огромной поставленной в центре елки. Покончив с приготовлениями, каждый из них занял заранее предназначенное ему место, — кто у столов, кто у телевизифона, кто на богато декорированной флагами и цветами трибуне для почетных гостей. Десять роботов двумя рядами выстроились у главного входа и скромно ждали дальнейших приказаний.

Как только Москву стали окутывать сумерки, на центральной световой станции зажгли искусственное солнце. В го-

роде стало светло, как в самый ясный солнечный день. Надвинувшаяся с востока темная снеговая туча была немедленно рассеяна с помощью особых радиоэлектронов.

Температура медленно повышалась, и уже к пяти часам пополудни термометр показывал всего лишь три градуса ниже нуля. Звезды, которые засверкали было на спокойной глади воздушного океана, испугались света искусственного солнца и нырнули в небесные глубины.

Где-то за высокими и далекими горами притаилась ночь, которая бледнела от злости, видя, как злейший ее враг, свет, занимает ее место.

3.

Коля Горелов собирался лететь вместе с отцом на елку. Он весь дрожал от нетерпения.

— Мы так долго копаемся, что опоздаем! — волновался он.

— Успеем, еще рано! — успокаивал его отец.

— Да, рано! Смотри, вот!

Он нажал у подзеркальника кнопку — и тотчас же на стене выступил освещенный циферблат часов главной обсерватории.

— Видишь, уже три четверти пятого, а начало в пять!

— Не беда! Мы долетим в несколько минут.

Коля уже надел свой летательный пояс. Скоро был готов и отец. Прежде чем вылететь, он проверил, все ли у Коли в порядке.

— Затяни потуже пояс! — сказал он. — И поставь на малую скорость. Нечего пороть горячку! А на какую высоту ты поставил?

— На двести метров.

— Не к чему так высоко забираться! Поставь на 75.

— Этак еще за крыши цепляться будешь! — ворчал Коля, но подчинился.

Еще через минуту оба вышли на просторный балкон,

служивший в то же время аэростанцией.

— Раз, два, три! — скомандовал отец. — Летим! Держись рядом со мной!

Оба нажали кнопки на своих летательных поясах — и в то же мгновение отделились от балкона. Поднявшись на несколько десятков метров над крышами домов, они полетели по направлению к Городской думе.

Впереди и позади их, над ними и под ними летели, точно гигантские птицы со сложенными крыльями, взрослые и дети. Большинство держалось на одной приблизительно высоте, так что летающие часто почти касались друг друга. Воздух оглашался возгласами: «Правей! Левей!» Знакомые обменивались приветствиями, махали друг другу шляпами, платками. Увидев летевшую впереди компанию одноклассников, которая издавала такие воинственные крики, точно собиралась в атаку на невидимого врага, Коля стал так неистово размахивать фуражкой, что уронил ее, и она упала на какую-то крышу.

Он то и дело узнавали знакомых:

— Папа, смотри, Петя Малинин! Направо... А внизу, метров тридцать под нами, Маша Сивцова. Летит, как курица! Еще на проводах повиснет... А вот и Васильев Женя... Впереди. Видишь? Папочка, можно мне догнать его?

— Ну уж Бог с тобой, догоняй!

Коля нажал на своем поясе еще какую-то кнопку — и в несколько секунд опередил отца на добрую полусотню метров.

— Васильев! — неистово кричал он, приложив руки рупором ко рту. — Держись! Лечу на тебя!

Скоро оба мальчика летели рядом.

Отец догнал Колю только уж над думским аэродромом, над которым, словно стая грачей над полем, носились сотни детей и взрослых.

Распорядители с помощью роботов регулировали спуск.

Описав для форсу совершенно не входившую в программу восьмерку, Коля плавно спустился рядом с отцом на усыпанный гравием помост аэродрома.

Перед входом в зал роботы отбирали у гостей летательные пояса. Один из них все время выкрикивал:

— Кто пронесет в зал запасной пояс, лишен будет подарков! Запрещено подниматься в зале на воздух!

4.

С помощью особого изолятора, думский зал оставался вне действия искусственного солнца.

Купол изображал ночное небо. Бледным, голубоватым светом светила луна, мерцали, таинственно подмигивая, звезды разных величин.

Дети возбужденно выкрикивали названия звезд и созвездий.

— Венера! Марс! Меркурий! Сириус! Большая Медведица!

Находившийся в зале директор главной обсерватории, в ожидании, пока зажгут елку, стал рассказывать детям о чудесах неба, о жизни далеких миров, этих таинственных кораблей, плывущих по океану Вечности.

— Вселенная для нас все еще остается загадкой, — говорил он своей жадно слушавшей аудитории. — Но мы все же сделали в этой области крупные успехи, и скоро, быть может, осуществится наша заветная мечта о полете на Марс. Правда, пробные полеты на аэроторпеде профессора Брауна цели далеко еще не достигли, но они показали, что она вполне пригодна для полетов в безвоздушном пространстве. И я твердо убежден, что раньше или позже люди все же попадут на Марс. Это будет первый этап на великом пути в необъятный Божий мир....

В это мгновение луна и звезды на куполе погасли, и сотнями огней вспыхнула елка.

На огромном, занимающем почти всю переднюю стену экране выступила эстрада Большой Парижской оперы с сидевшим на ней оркестром — и зал огласился торжественными звуками популярной оперы «Да здравствует жизнь!».

Это был как бы сигнал к открытию праздника.

Один номер богато составленной программы следовал за другим. На экране появлялись артисты, певцы, музыканты из Риги и Милана, Берлина и Лондона, Вены и Стокгольма. Их видели и слышали так, как если бы они играли тут же, в зале.

Гвоздем программы была разыгранная детьми комедия под названием «Полет на Марс».

Группа школьников, в возрасте от 10 до 14 лет, решила тайком полететь на Марс. Они ночью забрались на аэродром, где стояла совершенно готовая для отлета в безвоздушное пространство аэроторпеда профессора Брауна, уселись в нее, нажали рычаг — и она стремительно взмыла вверх.

Во втором акте изображена была внутренность аэроторпеды. Дети-актеры визжали от страха, катались по полу, судорожно цеплялись за что придется, — все это под оглушительный хохот детей-зрителей. Наконец, один из актеров случайно нажал на рычаг спуска — и аэроторпеда стала с головокружительной быстротой спускаться вниз.

В третьем акте она спустилась уже на какой-то деревенский двор, — и из нее, точно горох из прорванного мешка, посыпались пассажиры. Визг, крик, мольбы о помощи. Взбужденные свиньи, гуси, утки, куры тоже кричали на все голоса. Потом на сцену явились привлеченные шумом крестьяне и, узнав, в чем дело, за уши повели горе-путешественников в деревню.

5.

Был уже десятый час ночи, когда Коля с отцом прилетел домой.

В устроенной на елке потешной лотерее он выиграл билет на полет на Марс и обратно.

— Как ты думаешь, папа? Скоро можно будет туда полететь? — спросил он, раздеваясь.

— Выспаться ты, во всяком случае, успеешь, — ответил

отец. — И я очень советую тебе тотчас же идти в постель: дорога-то предстоит дальняя!

Долго в эту ночь не мог Коля уснуть: все думал об аэроторпеде профессора Брауна, о далеких таинственных мирах, о полетах в безвоздушное пространство.

А когда сон, наконец, смежил глаза его и подхватил его в свои объятия, Коля с головокружительной быстротой понесся, в великолепной аэроторпеде, напрямик на Марс.

АППАРАТ СМЕРТИ

Рассказ

1.

Было это 12 сентября 1943 года.

Вождь рабочей партии Ричард Грин дописывал передовую статью для очередного номера «Социалиста», когда ему подали визитную карточку.

«Инженер Эрвин Прайс» — прочел он на ней. Внизу карандашом было набросано: «по чрезвычайно важному делу».

Через минуту Эрвин Прайс сидел перед Ричардом Грином.

— Я изобрел аппарат, с помощью которого можно на расстоянии 200 километров убивать любое живое существо! — с места в карьер начал он. — Я проделал многочисленные опыты над животными — и всегда с успехом. Полагаю, что мой аппарат мог бы оказать ценную услугу вашей партии.

Ричард Грин открыл ящик с сигарами и, когда оба закурили, спокойно сказал:

— Продолжайте!

Инженер пустил к потолку клуб дыма и продолжал:

— Не мне вам говорить, как трудно стало делать революции. Правительства располагают такими чудовищными военными и техническими возможностями, что могут в корне подавить всякую попытку восстания. Какой-нибудь дюжины бомб, начиненных ультра-экразитом и сброшенных с аэроплана, достаточно для того, чтобы парализовать любую революционную армию. При таких условиях бесплодны все революционные призывы и боевые лозунги. В этом вы, надеюсь, согласны со мной, мистер Грин?

— Продолжайте! — невозмутимо отозвался тот.

— Изобретенный мной аппарат может дать революцио-

нерам огромное преимущество над противником, — продолжал несколько обескураженный инженер. — Технике правительства они смогут противопоставить свою собственную. Вы меня понимаете, мистер Грин?

— Продолжайте! — все с той же невозмутимостью уронил тот.

Инженер нервным движением стряхнул с сигары пепел.

— Вы, мистер Грин, по-видимому, не доверяете мне. И хорошо делаете, — иначе вы были бы плохим революционером. Но ваше недоверие меня не смущает: я знаю, мы все же столкнемся. Итак, я продолжаю: с помощью моего аппарата можно просто-напросто устранять угнетателей народа, притеснителей трудящихся масс и как еще они на революционном языке называются. Устранять бесшумно и анонимно, так сказать. Прежде террористические акты требовали со стороны революционеров очень сложной подготовки и сопряжены были с большим риском, причем часто кончались неудачей. С моим аппаратом все просто; никакого риска, успех обеспечен. Например: ваша партия с полным основанием ненавидит захватившего у нас диктаторскую власть генерала Урбана. Это роковой для страны человек, которого желательно было бы устранить. Я знаю, ваша партия в этом очень заинтересована. Не правда ли, мистер Грин?

— Я вас слушаю! — обронил тот, передвинув сигару с левого угла рта в правый.

Инженер вздохнул.

— Трудно с вами, мистер Грин! Вы, я вижу, не верите ни одному моему слову. Хотите, я продемонстрирую силу моего аппарата? Кого из противников вы хотели бы устранить? Генерала Урбана? Министра внутренних дел? Начальника столичной полиции?

— Начнем с малого! — заговорил наконец мистер Грин. — Если хотите продемонстрировать силу вашего аппарата, устраните начальника Бредлайнской тюрьмы.

— По приказанию которого истязали политических заключенных?

— Да. Сделайте это, — тогда поговорим.

— Хорошо.
Инженер встал.
— Завтра в 10 часов утра он умрет!
— Посмотрим.
И мистер Грин проводил гостя до дверей.

2.

Вечерние газеты следующего дня сообщили о загадочной смерти начальника Бредлайнской тюрьмы. Она представлялась тем более непонятной, что это был человек во цвете лет, совершенно здоровый, вдобавок атлетического сложения.

Смерть настигла его в тот момент, когда в своем кабинете он отдавал приказания подчиненным. Не закончив начатой фразы, он вдруг бессильно откинулся на спинку кресла, лицо его стало багрово-красным, а потом мертвенно-бледным, руки упали вдоль тела, глаза закрылись — и все было кончено.

«Можно было бы подумать, что его сразила молния!» — резюмировал свои впечатления присутствовавший при его смерти старший надзиратель.

Медицинское исследование не дало ключа к разрешению загадки. Следственная комиссия подвергла тщательному допросу весь тюремный персонал, обыскала тюрьму сверху донизу, но ничего не добилась.

Вечером того же дня инженер Эрвин Прайс опять сидел у мистера Грина.

— Теперь вы убедились? — спросил он, с трудом скрывая свое торжество.

— Да, работа чистая! — отозвался мистер Грин.

Он с минуту молча пускал к потолку клубы дыма.

— Вы хотите продать свой аппарат?

— Нет! — заволновался инженер. — Я не преследую в данном случае материальных выгод. Если я пожелал, я мог бы получить за него миллионы. Правительство охотно

купило бы мое изобретение. Представьте себе, в самом деле, что военное министерство имеет в своем распоряжении мой аппарат. В случае войны, главный штаб мог бы без труда убивать, одного за другим, главнокомандующего неприятельских сил, командующих отдельными армиями, корпусами, дивизиями и т. д. Война была бы быстро окончена, — окончена без танков, ядовитых газов, смертоносных бомб.

— Да, вас осыпали бы золотом! — согласился мистер Грин. — Каковы ваши конкретные предложения?

— Я ненавижу гнет во всех его проявлениях, — и с радостью предоставлю свой аппарат в распоряжение вашей партии.

— А почему вы лично..?

— Я предпочитаю работать над новыми изобретениями.

Беседа затянулась далеко за полночь. Инженер Прайс научил мистера Грина пользоваться аппаратом.

Когда он уходил, мистер Грин горячо пожал ему руку.

3.

— Открыть окна? — спросил мистер Грин.

— Не к чему! — ответил инженер Прайс, который вошел у аппарата. — Ток этот проникает не только через стекла, но и через самые толстые стены.

Как фотограф, готовящийся к съемке, он взглянул через стекло во внутрь аппарата.

— Итак, мы сегодня устраняем генерала Урбана? — спросил он. — Вы уверены, что он в эти часы сидит в своем кабинете?

— Да. Если б он вздумал сегодня изменить своей привычке, мне дали бы знать по телефону.

— Прекрасно. Расстояние до его кабинета я измерил с большой точностью. Остается только пустить ток.

Генерал Урбан просматривал в это время в своем кабинете бумаги. Над одной из них он долго сидел, сердито хму-

ря брови. Потом он позвонил.

— Соедините меня с министром внутренних дел! — приказал он торопливо вошедшему и стоявшему в почтительной позе адъютанту.

— Слушаю-с!

Минуту спустя генерал Урбан сердито кричал в телефон:

— Безобразие! Этих господ надо просто-напросто посадить под замок! Что? Общественное мнение? Наплевать! Я не желаю...

Генерал вдруг дернулся и уронил телефонную трубку. Широко раскрыв рот, он схватился рукой за горло. Он хотел крикнуть, но не мог и замертво отвалился на спинку кресла.

Через четверть часа во все концы земного шара понеслась по эфирным волнам весть о страшной и загадочной смерти всесильного диктатора.

4.

Место генерала Урбана занял его ближайший сотрудник, генерал Блэкстоун.

— Тут какая-то дьявольская интрига! — гремел он на спешно созванном совете министров. — Это все козни революционеров! Я с ними рассчитаюсь!

По его приказанию был тщательно исследован весь дворец. Искали под полами, в стенах, на чердаке, в подвале. Конечно, ничего не нашли.

— Неужто вы так-таки не напали на следы злодеяния? — кричал новый диктатор по телефону председателю следственной комиссии. — Что? Никаких данных? Вздор! Вы просто неумело взялись. Будь я на вашем месте, я бы уж до них добрался! Я бы...

Генерал Блэкстоун не кончил. Телефонная трубка выпала из руки его. Он прохрипел — и грузное тело его стало сползать с кресла на пол.

Вошедший с книгой бумаг адъютант нашел его мертвым.

В тот же вечер и при тех же обстоятельствах умер министр внутренних дел, который был ближайшим кандидатом на пост главы правительства. На следующий день смертоносный ток сразил начальника столичной полиции, а еще через день архимиллионера Креслера, который незадолго до того прибегнул для усмирения забастовавших рабочих к военной силе.

На верхах воцарилась паника. Пост министра-президента оставался вакантным. Не находилось также охотника занять место погибшего министра внутренних дел. Военный министр поспешно подал в отставку. Многие высшие сановники либо действительно заболели нервным расстройством, либо сказались больными и хлопотали об отпуске.

Столица некоторое время оставалась без начальника полиции: никто не хотел ставить на карту жизнь. Наконец, нашелся охотник из сравнительно мелких полицейских чиновников.

— Я этому быстро положу конец! — похвалялся он.

Едва вступив в должность, он приказал арестовать всех мало-мальски подозрительных людей. В столице пошли повальные обыски. Охрана правительственных зданий была усилена. Каждого входящего в них тщательно обыскивали.

Ровно через 48 часов после своего назначения начальником столичной полиции смельчак этот найден был мертвым в своем кабинете.

Столица, вся страна, весь мир стояли перед страшной загадкой.

5.

Мистер Грин все более входил во вкус и часто убивал людей безвредных.

Однажды, когда он убил таким образом лидера консервативной партии, инженер Прайс обрушился на него с упреками.

— Вы злоупотребляете своей силой! — кричал он. — Это уж не борьба со злом, а палачество!

На следующий день инженера Прайса нашли мертвым, с циркулем в окоченевшей руке: его во время работы сразил смертельный ток из им же изобретенного аппарата.

Прочтя сообщение о его смерти, мистер Грин самодовольно усмехнулся: теперь этот инженер не станет путаться в чужие дела!

В той же газете он прочел о том, что микадо утвердил смертный приговор группе революционеров. С первым же направлявшимся на восток аэропланом мистер Грин, захватив с собой аппарат, полетел по направлению к Японии.

Три дня спустя мир облетела весть о загадочной смерти микадо, его первого министра и нескольких других видных сановников, а также палача, приведшего в исполнение смертный приговор.

6.

В Токио волнение достигло крайнего предела. Чрезвычайная следственная комиссия, имена членов которой хранились в глубокой тайне, чтоб не подвергать риску их жизнь, усиленно работала.

Сопоставление с аналогичными фактами, имевшими место за пределами Японии, привело ее к убеждению, что это дело рук иностранца.

Установлено было тщательное наблюдение за всеми незадолго до того приехавшими иностранцами. Отели, в которых они жили, кишели агентами тайной полиции. Комнаты, ими занимаемые, тщательно обыскивались в их отсутствие, причем с помощью подделанных ключей отпирали и их чемоданы.

Мистер Грин привлек к себе особое внимание тайной полиции: установлено было, что у него в Токио не было решительно никаких дел. И в один печальный для него день в его комнате нашли роковой аппарат.

Когда его, по возвращении в отель, подвергли допросу, он понял, что для него все кончено, и во всем сознался.

— Если угодно, я продемонстрирую перед вами, господа, это изобретение, с помощью которого я убил микадо, первого министра и несколько других лиц.

Но едва он подошел к аппарату, все бывшие в комнате поспешно убежали.

Оставшись один, мистер Грин вдребезги разбил аппарат — и пустил себе пулю в лоб.

Так окончилась эта кошмарная, взволновавшая весь мир история. Разбитый аппарат так и не был восстановлен.

ГОСТЬ С МАРСА

Фантастический рассказ

1.

Астроном Янсен засиделся далеко за полночь над своей работой о флоре и фауне Марса. Был уже второй час, когда он, с тяжелой головой, растянулся тут же в кабинете, на диване. «Потом разденусь и лягу, как следует», — подумал он. Но в ту же минуту сон провел по его глазам своей мохнатой лапой — и он тотчас же заснул.

Проснулся он от стука в дверь.

— Войдите! — сказал он.

Дверь отворилась и в комнату вошел джентльмен, при виде которого Янсен вскочил.

— Кто вы? Что вам нужно?

Джентльмен, не торопясь, подошел к письменному столу и сел в кресло хозяина. Янсен широко открытыми глазами рассматривал его.

Гость был прекрасно одет: смокинг, брюки с безукоризненной складкой, белоснежная манишка, элегантно повязанный бантиком галстук, на голове новенький черный котелок, но... между воротничком и котелком было пустое место.

Лица не было. Воротничок, а приблизительно четверть метра выше — котелок, который, казалось, висел в воздухе.

«Марсианин», — молниеносно пронеслось в мозгу Янсена.

— Вы угадали, — отозвался странный гость, хотя Янсен ничего не сказал.

Он снял рукой в черной лайковой перчатке свой котелок и, положив его на стол, рядом с корректурными листами о флоре и фауне Марса, откинулся на спинку кресла.

Янсен спустил ногу на пол и с минуту, не отрываясь, смотрел на гостя, стараясь осмыслить происходящее.

— Не трудитесь, — сказал тот. — Вы все равно не поймете. Считайтесь с фактом, не доискивайтесь его объяснения.

— Вы правы, — отозвался Янсен, — и я так рад, так счастлив, что вы меня удостоили своим визитом. Вам, конечно, известно, что я уже тридцать лет работаю над изучением Марса?

— Да. Я хорошо знаю ваши труды в этой области.

— В самом деле? — обрадовался Янсен. — Неужели мои труды известны даже на Марсе?

Он в возбуждении вскочил и стал ходить взад и вперед по кабинету.

— Я так рад, так счастлив... Вы ведь не откажетесь разрешить некоторые обуревающие меня сомнения?.. ответить на волнующие меня вопросы?..

— Для этого я к вам и явился! — отозвался гость, снимая с рукава смокинга соринку.

— Благодарю вас. Прежде всего, как вы сюда явились? Не ко мне, а вообще, на Землю? Неужели на Марсе уже организовано правильное межпланетное сообщение?

Янсену послышался смешок. Ему даже показалось, что гость саркастически усмехается, но он тут же вспомнил, что у марсианина нет лица.

— Вы имеете в виду аэропланы, дирижабли, ракеты и прочие детские игрушки, которыми вы тут на Земле так гордитесь? — презрительно сказал джентльмен без головы. — Мы, марсиане, в них не нуждаемся.

— Да, но как же...?

— Мы в любой момент можем перенестись на любую планету астральным путем.

— Как вы сказали? Астральным путем?! Господи, это так ново, так захватывающе интересно!

Янсен подошел к столу, налил стакан воды и залпом выпил его.

— Астральным путем? — возбужденно, со смаком повторил он. — Но скажите: как объяснить, что вы...

— Без головы?

— Вот именно!

— Мы, сыны Марса, на других планетах приспосабливаемся к биологическим, атмосферным и прочим условиям их. На Юпитере мы превращаемся в гигантских ящеров, на Венере в крылатых быков, на Меркурии в клубок пламени и т. п. Вы, сыны Земли, носите эту смешную одежду — и я, поэтому, тоже счел нужным нарядиться. А так как лицо вы оставляете открытым...

— Понимаю! Господи, мне о стольком надо расспросить вас. Ведь для меня, как исследователя Марса, это так важно. Скажите: как у вас, на Марсе, обстоит насчет культуры? Я имею в виду... ну, хотя бы литературу.

— Вы имеете в виду все эти горы печатной бумаги, на которую вы ухлопываете столько сил? Этим вздором мы не занимаемся.

— Как, вздор?— обиделся Янсен. — Вспомните великие творения Шекспира, Гете, Толстого!

— Все это жалкий лепет детей планеты, которая находится еще в младенческом состоянии.

— Да, но... Вы ведь не можете отрицать, что литература является мощным фактором культуры, содействует распространению идей. Я думаю, у вас на Марсе тоже...

— Повторяю! — сухо перебил гость. — Нам все эти детские бирюльки не нужны. Мы не знаем ни устного, ни печатного слова.

— Да, но... Не можете же вы без языка?

— Очень даже можем.

— Но как же вы общаетесь между собой?

— Тоже астральным путем. Всякая мысль, возникающая не только на нашей планете, но и во всей Вселенной, тотчас же становится нам известна. Наша атмосфера насыщена мириадами идей, проблесков мысли.

Странный гость положил ногу на ногу, снова снял с рукава какую-то соринку и продолжал:

— Много миллионов лет тому назад, когда наша планета находилась еще в младенчестве, у нас тоже процветали, как у вас тут выражаются, науки, искусство, литера-

тура. Но мы с тех пор выросли и отбросили весь этот жалкий хлам. Вырастете со временем и вы — и отделаетесь от ваших жалких представлений.

Это было уже слишком. Янсену надо было успокоиться, собраться с мыслями.

Он достал портсигар и протянул его гостю, но тут же спохватился.

— Простите, я забыл, что вам... нечем курить!

2.

Янсен закурил, сделал еще несколько туров по кабине-ту и вплотную остановился перед гостем.

— Скажите: неужели вы, марсиане, совершенно отрицаете нашу земную культуру?

— Это жалкие потуги жалких, беспомощных существ. Ваши Шекспир, Бетховен и Рафаэли...

Марсианин презрительно махнул рукой, и Янсену снова послышался смешок.

— Хорошо, — возразил он. — Допустим, что наша литература и наше искусство находятся еще, как вы изволили выразиться, в младенческом состоянии, но возьмем науку. Ведь она оперирует фактами, точно проверенными данными! Тут уж никак нельзя говорить о жалком младенческом лепете.

— Очень даже можно, — спокойно возразил гость. — Вся ваша хваленая наука вызывает во Вселенной смех.

Янсен даже вздрогнул. Ему вдруг представилось, что с Марса, Меркурия, Сатурна, со всех планет и звезд Вселенной доносятся раскаты веселого смеха. Смеются над всем святым для детей Земли, над величайшими творениями человеческого гения, над его, Янсена, общепризнанными трудами в области астрономии.

— Но ведь наша наука основана на законах природы, — воскликнул он.

— Законы природы, — презрительно отозвался марсиа-

нин. — Они существуют только в воображении ваших хваленых ученых. Это чистейший вздор, от которого вам давно уже следовало бы отрешиться.

— Что?! Не станете же вы утверждать, что, например, закон притяжения...?

— Глупейшая выдумка! Если вам уж во что бы то ни стало хочется навязать природе законы, подвести ее под статьи и параграфы, указать ей пути, которыми она должна следовать, то речь тут могла бы идти разве только о законе отталкивания, а не притяжения.

— Простите, но этого я совсем уж не могу понять! — со вздохом развел руками Янсен.

— Меня очень удивило бы, если б вы поняли! — холодно сказал гость.

— Выходит, что Галилей, Коперник...?

— Жалкие фантазеры, самым бессовестным образом введшие в заблуждение человечество, которое в своей безграничной наивности возвело их на пьедестал.

— Значите, и мои труды, которым я посвятил всю свою жизнь и которые, смею думать, доставили мне почетную известность во всем мире, немногого стоят? — совсем уж обиделся Янсен.

— Вы слишком мягко выражаетесь, — возразил гость. — Они не только немногого, но и совсем ничего не стоят. Над каждым вашим открытием у нас, на Марсе, от души смеялись. Вы проявляете такую беспомощность, такое непонимание! Взять хотя бы все, что вы наболтали о Марсе: ведь это поистине рекордный вздор!

— Послушайте, это... это...

Янсен задышался от волнения и не находил слов.

— Благодарю вас, — язвительно бросил он, с ненавистью взглянув на сидевшего на его месте, за его письменным столом, гостя с далекого Марса. — То, что вы тут наговорили... для этого, право же, не стоило предпринимать такое далекое путешествие!

Он еще раз пробежался по кабинету, потом снова остановился, в несколько даже вызывающей позе, перед марсанином, — и с дрожью в голосе спросил:

— Уж не станете ли вы утверждать, что Земля вовсе не вращается вокруг солнца?!

— Это тоже одна из ваших нелепых выдумок! — с ледяным спокойствием ответил тот. — Она и не думала вращаться вокруг солнца! Очень ей надо!..

— Вы лжете! Вы нагло лжете! — весь налившись гневом, крикнул Янсен. — Земля все же вер...

Голос его пресекался от волнения. Сам не отдавая себе отчета в том, что делает, он со сжатыми кулаками бросился на марсианина... и упал с дивана на пол.

Открыв глаза, он увидел испуганное лицо склонившейся над ним жены.

— Этот наглец утверждает, что Земля и не думает вращаться вокруг солнца! — слабо простонал он. — А еще марсианин!

— Ах, этот Марс! — вздохнула жена. — Он тебя в могилу сведет.

Янсен оглянулся на то место за столом, на котором только что сидел безголовый марсианин. Кресло было пусто.

«С НОВЫМ ГОДОМ, МАРСИАНЕ!»

(Фантастический новогодний рассказ)

Бу-ум... Бу-ум... Бу-ум!..

Гулкие удары колокола словно хоронили старый год, вколачивая гвозди в крышку его гроба.

Бу-ум... Бу-ум... Бу-ум... Двенадцать ударов. Еще одна капля упала в океан вечности. Невидимая рука оторвала последний листок старого календаря. Наступил Новый год.

Директор обсерватории Янсен и его ближайшие сотрудники стояли перед микрофоном радиоаппарата. У каждого был в руке бокал с шампанским.

С первым же ударом колокола Янсен поднял бокал.

— С Новым Годом, господа!

— С Новым Годом! — хором отозвались присутствующие, чокаясь с Янсеном.

— Разрешите мне, друзья мои, — сказал он, — от имени всех нас послать новогодний привет нашим коллегам на Марсе.

— Просим! Просим! — раздались голоса.

Янсен откашлялся и, подойдя ближе к микрофону, заговорил:

— Дорогие коллеги с Марса! Я питаю мало надежды, что мой голос дойдет до вас, хотя обращаюсь к вам по специально сконструированному аппарату, посылающему в мировое пространство звуковые волны на миллионы километров. До сих пор все наши попытки снестись с Марсом оставались бесплодными. Боюсь, что не одно еще поколение тщетно будет биться над разрешением этой волнующей проблемы. Но если когда-нибудь, быть может, через тысячелетия, осуществится золотой сон нашего, земного человечества и ему удастся войти в контакт с другими мирами, вы, дорогие коллеги, быть может, узнаете о моем сегодняшнем обращении

к вам от моего имени и от имени моих ближайших сотрудников. Разрешите отрекомендоваться. Я — директор королевской обсерватории Вернер Янсен...

Одного за другим он отрекомендовал также своих сотрудников. Каждый из них, когда доходило до него, слегка кланялся перед аппаратом, как если б марсиане могли его видеть.

— Я твердо верю, — продолжал Янсен, — что в более или менее далеком будущем между Землей и другими планетами установятся тесные отношения, и будет торжественно отпразднован великий праздник объединения миров. На этом празднестве наши коллеги с разных планет, быть может, вспомнят о своих давно умерших предшественниках и скажут: «Мир праху их! Они были пионерами великого дела сближения разбросанных по Вселенной миров!»

Голое Янсена пресекалось от волнения, но он быстро совладал с собой.

— Да, дорогие коллеги с далекого, загадочного для нас Марса, — снова заговорил он. — Ваша планета нас особенно интригует. Для нас, обитателей Земли, она словно гигантский магнит, висящий высоко в небе и неотразимо притягивающий нас. Когда Марс приближается к Земле настолько, что отстоит от нее всего лишь на каких-нибудь 55 миллионов километров, он так ярко сверкает, как если бы и сам рвался ко все еще недосягаемой для него Земле. Повторяю: я твердо верю, что со временем между ними установится тесный контакт. Обе культуры сольются, пополнят одна другую. Наше земное человечество многому сможет у вас поучиться. Перед ним возникнут новые, неизмеримо более возвышенные проблемы. Оно станет лучше, чище, устыдится злобы и ненависти, которые омрачили его историю, устыдится жестоких и бессмысленных войн, которые составляли главное содержание ее.

Янсен невольно вздохнул. Сотрудники его тоже вздохнули и опустили головы, как если б им стыдно было за глупость сынов Земли.

— Хочется верить, дорогие коллеги, что вы, марсиане,

далеко шагнули вперед по сравнению с нами, грешными детьми Земли. Вы, без сомнения, давно уже изжили болезни роста, от которых мы еще так тяжело страдаем. Вам, наверное, сама мысль о взаимоистреблении, о братоубийственных войнах, представляется чем-то донельзя диким, нелепым, чудовищным. Все силы свои вы отдаете духовным проблемам, великим достижениям культуры. Мы, дети Земли, можем только завидовать вам, — и преклоняться пред вами!

Янсен высоко поднял бокал и торжественно провозгласил:

— С Новым годом, дорогие коллеги с Марса! Примите наш сердечный привет, достойные сыны неведомой нам великой планеты. Да здравствует Марс!

— Ура! Да здравствует Марс! — дружным хором подхватили присутствующие.

...Гости разошлись только во втором часу ночи.

Янсен, усталый, с отуманенной вином головой, растянулся на диване — и тотчас же заснул.

Разбудил его громкий, как бы наполнявший весь кабинет голое. Он открыл глаза. В комнате никого не было. Придя немного в себя и оглянувшись, он убедился, что голос доносится из радиоаппарата.

— Алло! Говорит станция Марсополис! — услышал он. — Здравствуйтесь, дорогой коллега! До нас только что дошел ваш новогодний привет. Очень мило, что вспомнили о нас. От своего имени и от имени моих коллег-астрономов с Марса, я со своей стороны горячо приветствую вас. Мы счастливы, что наконец-то удалось войти в контакт с вами. Мы тоже тысячелетиями уже бьемся над этой проблемой: Земля была для нас прекрасной незнакомкой, которая манила нас к себе, как манит и влечет все таинственное, загадочное... Наша заветная меч....

Голос вдруг оборвался, заглушенный сильным грохотом. Янсен весь дрожал от нетерпения. По-видимому, и у них

там, на Марсе, с радиоаппаратами не все обстоит благополучно.

— Одну минуту, дорогой коллега! — снова послышался голое. — Я только выключу грохот канонады. Это страшно мешает. Вы удивлены? Да, у нас на Марсе идут теперь кровавые бои. Над Марсополисом, из которого я имею удовольствие говорить с вами, реет многочисленная воздушная рать неприятеля. Враги бомбардируют нас тяжелыми динамоэлектронами в 1.200.000 вольт. Половина Марсополиса уже разрушена. Надеемся продержаться до вечера, а затем улетим на Меркурий или Венеру.

— Что?! — вне себя от изумления, крикнул в аппарат Янсен. — Неужели и у вас?..

— А вы думали, что у нас тут сплошная идиллия? — ответил насмешливый голос марсианина. — В таком случае, вы глубоко заблуждаетесь, многоуважаемый коллега. Наша планета одна из самых драчливых во Вселенной. Недаром она носит такое воинственное название. Недавно она без всякого повода напала на бедную, плохо защищенную Венеру, и подвергла ее жестокому обстрелу атоморадионами. Поднят был даже вопрос о санкциях против Марса, об исключении его из Лиги планет, но из этого ничего не вышло. Скажу вам по секрету: здесь не на шутку подумывают о нападении на Землю с тем, чтоб превратить ее в колонию Марса. С этой целью тут лихорадочным темпом сооружаются гигантские воздушные торпеды, могущие пролетать десятки миллионов километров, вооруженные динамоэлектронами чудовищной силы. По вычислениям специалистов, небольшой эскадры таких воздушных торпед вполне достаточно для того, чтобы превратить Землю в грудку развалин и вычеркнуть ее из описки живых.

— Боже мой! — в ужасе простонал Янсен. — Да разве же это возможно! Ведь ваш Марс стоит на таком высоком уровне культуры... При таком сказочном развитии техники...

— Узнаю наивного обитателя Земли! — усмехнулся в аппарат астроном из Марсополиса. — Вы, дорогой коллега, смешиваете технику с культурой, а между тем это два разных понятия, ничего общего между собою не имеющих. В обла-

сти технической мы, марсиане, действительно можем похвалиться огромными достижениями, но... мы пользуемся ими для уничтожения культуры, своей и чужой. Впрочем, у вас по этой части дело тоже обстоит немногим лучше. Вы на своей Земле, кажется, уже додумались до пользования, в целях уничтожения ближних, расщепленными атомами. Этак и вы скоро додумаетесь до наших динамоэлектронных и атоморадионов. Но пока что вам с Марсом тягаться будет трудно. Да и не только с Марсом. Юпитер, например, давно уже носится с завоевательными планами и мечтает о покорении всех планет нашей солнечной системы, включая и вашу Землю. А что касается Марса, можете быть уве...

Адский грохот снова заглушил голос марсианина. На этот раз грохотало совсем близко, чуть ли не над самой головой. Янсону казалось, что вся земля сотрясается, как если бы одновременно началось извержение сотен вулканов.

— Что такое? В чем дело? — испуганно крикнул он по адресу марсианина, как если бы тот был тут же, поблизости.

Но коллега с Марса молчал. Радиостанция Марсополис не подавала больше признаков жизни. А грохот становился все оглушительнее, все ближе и ближе.

Охваченный тревогой, Янсен побежал к окну и выглянул наружу. То, что он увидел, наполнило его таким ужасом, что весь он облился холодным потом. Колени его подкосились и он должен был ухватиться за стоявший поблизости книжный шкаф, чтоб не упасть.

Весь почти небосвод покрыт был какими-то странными, никогда еще Янсеном не виданной формы летательными машинами. В голове каждого из этих драконов злобным светом горели два огромных глаза, которые, точно гигантские прожекторы, разбрасывали нестерпимо яркие столбы света.

«Воздушные торпеды с Марса! — молнией пронеслось в мозгу Янсена. — Целый флот! Для нашей планеты пробила последний час...»

А торпеды подвигались все ближе. Янсону казалось, что он уже различает сидящих на них марсиан, закованных в сталь монстров в сверкающих шлемах.

— Что это?

От ближайшей к земле воздушной торпеды вдруг отделилась зигзагообразная молния. В то же мгновение раздался такой чудовищный треск, что все вокруг задрожало.

— Динамоэлектрон! — крикнул он хриплым от ужаса голосом.

Чтоб уклониться от динамоэлектрона, он шарахнулся в сторону — и упал с дивана, больно ударившись головой о пол.

От боли он проснулся.

Придя немного в себя, он прежде всего подбежал к окну. Все было спокойно. Высоко в небе полная луна играла в прятки с легкими перистыми облачками. Нигде никаких торпед не было видно.

Янсен взглянул на радиоаппарат, из которого только что доносился голос марсианина.

— Алло, алло! — услышал он хорошо знакомый голос спикера. — Мы закончим наш новогодний концерт «Дунайскими волнами» короля вальсов Иоганна Штрауса...

НОВОЕ ОРУЖИЕ

Изобретение профессора Кольбера

(Фантастический рассказ)

— Алло! Министерство обороны? Говорит шеф университетской лаборатории проф. Кольбер. Мне надо поговорить с самим министром. Да, да! По делу, не терпящему отлагательства. Хорошо, я жду.

Минута проходила за минутой, а министр все еще не подходил к телефону.

Профессор нервничал и собирался уже разразиться в трубку потоком гневных слов, как вдруг до него донесся голос:

— Говорит министр обороны. Здравствуйте, г. профессор! Чем могу служить?

— Выслушайте меня внимательно, г. министр. И, ради Бога, не сочтите меня сумасшедшим или фантазером. Я — профессор Кольбер, стою во главе одной из величайших лабораторий мира, немало поработал на своем веку, пользуясь, смею думать, репутацией серьезного ученого, так что меня, согласитесь, нельзя причислить к сонму изобретателей, которые....

— Помилуйте, дорогой профессор! Мне это и в голову не приходит. Я знаю, с кем имею дело, и сочту за честь... В чем дело?

— Я открыл верное, не оставляющее никаких сомнений средство окончить войну, которая требует от нас таких тяжелых жертв, без всяких дальнейших потерь — и полной победой.

— Г. профессор!..

— Да, г. министр, полной победой, достижением всех, поставленных себе нами целей — и при этом без всякого кровопролития.

— То, что вы говорите, г. профессор... Я отношусь к вам с глубоким уважением и доверием, но... согласитесь, что тут...

— Я понимаю, г. министр. ваше недоверие, но вы очень скоро убедитесь, что дело идет не о какой-нибудь фантазмагории, а о чем-то очень реальном и осуществимом. По телефону я о своем открытии говорить, конечно, не могу.

— Я думаю! Знаете что, г. профессор... Если бы вы потрудились приехать в министерство... Я пригласил бы кое-кого из моих коллег по кабинету... военного и морского министров, министра авиации... Несколько состоящих у нас на службе лаборантов, конструкторов....

— Пожалуйста! Можете хоть всю Академию наук пригласить. Буду очень рад. Когда прикажете явиться? Только умоляю вас, не откладывайте в долгий ящик. Поверьте, это важнее всяких экстренных заседаний.

— Хорошо, г. профессор. Дайте мне полчаса времени, чтобы оповестить других.

— Прекрасно. Через полчаса я буду в министерстве.

*

В просторном кабинете министра обороны собрались человек десять, — людей все солидных, заслуженных. Все взоры с ожиданием устремлены были на проф. Кольбера, который нервно перебирал лежавшие перед ним бумаги.

— Мы слушаем вас, г. профессор, — сказал министр.

Профессор встал, протер стекла очков, откашлялся и начал:

— Господа! В здравом уме и с полным сознанием огромной своей ответственности, я имею честь довести до вашего сведения, что открыл верное средство победоносно окончить войну без содействия морского и воздушного флотов, артиллерии, моторизованных колонн, смертоносных газов и т. п. видов оружия.

Кое-кто из собравшихся не мог удержаться от жеста, весьма красноречиво выразившего недоверие. От профессора это не ускользнуло.

— Да, господа, я такое средство открыл, — энергично подтвердил он. — Я назвал его «сомналит». Оно неизмеримо действительнее мелинита, экразита и т. п. патентованных средств ведения войны. По самому названию его вы, я думаю, догадываетесь, в чем оно заключается.

— С его помощью можно усыпить неприятельскую армию? — выразил предположение министр обороны.

— Совершенно верно! — сказал профессор. — Минимальной дозы сомналита, уместающейся в жилетном кармане, достаточно для того, чтоб усыпить целый полк, весь экипаж какого-нибудь дредноута или аэродром вместе с находящимся на нем людьми.

— Сонная болезнь? — с плохо скрытой усмешкой спросил один из приглашенных на заседание экспертов.

— Нет! — решительно возразил профессор. — Сонная болезнь может иметь печальные последствия и вызвать смерть, между тем как сомналит вызывает только безболезненное усыпление, временное выключение сознания. Человек просто впадает в глубокий сон, не видит, не слышит, ничего не чувствует.

— Надолго? — спросил министр обороны.

— Это зависит от того, какую дозу вызывающего сон вещества примешать к сомналиту. Его можно по желанию сделать слабее или сильнее, усыпляющим на час, на день или на месяц. Совершенно так же, как можно предопределить силу разрушения снаряда, дальность его полета, описываемую им траекторию.

— Район действия? — задал вопрос еще кто-то.

— Это опять таки обусловливается процентным отношением вызывающего сон вещества к общей массе сомналита и может быть определено заранее. Я вычислил, что 10-процентный сомналит имеет радиус действия в 800 метров, 20-процентный — в 2½ километра, 30-процентный — в 8½ километров и т.д.

— Конкретно, г. профессор? Как можно пользоваться вашим сомналитом?!

— Лучше всего в виде сбрасываемых с аэроплана особых начиненных им бомб. Можно также начинать им артиллерийские снаряды. Предпочтительнее первый способ, так как летчикам с высоты лучше видно расположение неприятельских сил, и они вернее могут попадать в цель.

— Размер бомб?

— От 1 до 20 килограммов, смотря по объекту, на который они сбрасываются. Для большого скопления неприятельских войск, разбросанных на площади в десяток-другой квадратных километров, надо пользоваться одной тяжелой или несколькими легкими бомбами, начиненными сомналитом. Чтобы усыпить экипаж броненосца в 1000, скажем, человек, вполне достаточно бомбы в 2 килограмма. Такой же бомбы достаточно, чтоб парализовать жизнь на большом аэродроме.

— Интересно! Такое открытие может всю современную стратегию свести на нет! Это полчище летающих крепостей и смертоносных газов! — раздались возбужденные восклицания.

— Простите, профессор! Вы, конечно, произвели опыты со своим сомналитом? — спросил министр обороны.

— Разумеется. И, разумеется, в глубокой тайне. Если угодно, я вам продемонстрирую его действие где-нибудь под открытым небом.... Хотя бы над какой-нибудь нашей армейской частью или над военным судном. Я всецело в вашем распоряжении. Небольшие опыты можно проделывать и с помощью обыкновенного пульверизатора. Как, напр., этот вот...

Профессор достал из портфеля маленький пульверизатор и показал его присутствующим.

— Допустите на минуту, что он наполнен слабым раствором сомналита. Если б я сейчас пустил его в ход...

Профессор посмотрел на часы.

— Теперь три четверти девятого, не правда ли, господа? Все в знак утверждения кивнули головами.

— Так вот. Если б я теперь, в три четверти девятого, пустил здесь в ход этот пульверизатор, все мы моментально заснули бы и проспали бы до половины десятого. Поэтому что, повторяю, раствор очень слабый. Делается это так...

Он надавил на пульверизатор. Над присутствующими поползли чуть заметные струйки какого-то газа. Точно обрывки предрассветного тумана.

В то же мгновение все, не исключая и самого профессора, заснули мертвым сном, — в тех позах, в каких сидели.

Проснулись они все одновременно и долго не могли прийти в себя.

— Да, ровно половина десятого, — воскликнул министр обороны, взглянув на часы. — Дорогой профессор, поздравляю. Ваш опыт блестяще удался.

— Я продемонстрирую перед вами и не такие еще опыты!

Все встали с мест и стали горячо пожимать профессору руку.

— Вы оказали отечеству огромную услугу, — с чувством сказал ему министр обороны.

— Не одному только отечеству, но и всему человечеству! — прибавил морской министр. — Ибо отныне войны будут носить бескровный характер.

*

Это историческое заседание произошло 18 мая. А 21 мая с аэродрома, расположенного на самом театре военных действий, поднялся огромный трехмоторный бомбовоз, на котором, кроме пилота и бомбометателя, сидели не совсем обычные пассажиры: члены совета национальной обороны и проф. Кольбер.

Аэроплан быстро набрал высоту, поднялся на 3000 метров и в течение нескольких минут летел над расположением неприятельских войск.

— Нас сейчас встретит салютом зенитная артиллерия! — с усмешкой, в которой угадывалась тревога, сказал военный министр.

— Мы ее предупредим, — ответил профессор. — Сбросьте бомбу! — крикнул он в рупор бомбометателю.

Две минуты спустя снизу донесся заглушенный треск, а над землей поднялось светло-серое облако, которое постепенно расползлось и скоро покрыло туманной пеленой площадь в несколько кв. километров.

Сидевшие в аэроплане пристально смотрели в полевые бинокли вниз.

— Мы можем спуститься пониже, — сказал профессор. — Чтоб лучше рассмотреть действие нашей бомбы с сомналитом.

Скоро бомбовоз медленно летел над самым расположением неприятельских войск.

— Да, все погружено в глубокий сон, — с радостью констатировал министр обороны. — Спят солдаты, неподвижно застыла моторизованная колонна, прислуга зенитной артиллерии точно окаменела перед своими орудиями. Совсем как в сказке, — заколдованное царство!..

В эту минуту над ними раздался треск мотора.

— Неприятельский аэроплан! — одновременно крикнули несколько человек.

— Мы сейчас усыпим и летчика и бомбометателя! — отозвался профессор. — А ну-ка, пальните в него сомналитной пулькой! — приказал он по рупору.

Бомбометатель тотчас же выстрелил во вражеский аэроплан. В то же мгновение в воздухе показалось легкое облачко, — и аэроплан камнем упал вниз.

— А теперь, — сказал профессор, — давайте совершим экскурсию к ближайшему неприятельскому аэродрому.

Сто километров, отделявших их от этого аэродрома, они пролетели в каких-нибудь десять минут. Поднявшихся им навстречу летчиков они быстро усыпили с помощью нескольких начиненных сомналитом зарядов, а потом сбросили сомналитную бомбу в 12 килограммов весом на сам аэродром. Через несколько минут весь он был погружен в глу-

бокий сон.

— Отдохните, голубчики! — усмехнулся профессор. — Вы здорово устали.

— Сколько времени они будут спать? — спросил министр авиации.

— Ровно неделю.

— Это время можно было бы прекрасно использовать. Например, забрать у них все аэропланы.

— Конечно, можно, но этим вы уж потом займетесь. Можете потом забрать у неприятеля аэропланы, орудия, снаряды, — все что угодно. Меня пока что интересует опыт усыпления армии в широком масштабе. После этого моя роль будет окончена. Слово будет за вами, военными.

— Вот что, дорогой профессор! — обратился к нему морской министр. — Мы получили сведения, что большая неприятельская эскадра собирается бомбардировать наши береговые укрепления. Нельзя ли ее усыпить? Мы бы до нее долетели в какой-нибудь час.

— Боюсь, у нас тут для целой эскадры пороха, т. е. сомналита, не хватит. Но если угодно, мы пока что усыпим адмиральский броненосец. Потом можно будет слетать за новым запасом сомналита.

Час спустя адмиральское судно со всем главным командованием и тысячью с лишним человек экипажа превратилось в заколдованное сонное царство...

*

...Банкет, устроенный в честь изобретателя сомналита, профессора Кольбера, был в полном разгаре.

Премьер постучал ножом по бокалу в знак того, что хочет говорить. Водворилась тишина.

— Разрешите мне, господа, от имени всех здесь собравшихся, от имени всей нации, выразить глубокую признательность глубокоуважаемому проф. Кольберу! — заговорил он. — Благодаря ему мы одержали бескровную победу над

нашим могущественным, прекрасно вооруженным врагом. Благодаря ему, кровопролитные войны с бесчисленными жертвами раз навсегда отходят в область печального прошлого. До сих пор спорные вопросы между народами разрешались огнем и мечом, морями крови, они соперничали друг с другом во взаимоистреблении, в жестокости и беспощадности. Отныне международные конфликты будут решаться безобидным и безболезненным способом.

ОБ АВТОРЕ

В биографии журналиста, переводчика и писателя-фантаста Нау-ма Яковлевича Когана (Кагана), подписывавшего свои литературные труды псевдонимами «Н. Тасин», «Н. Яковлев» и др., множество белых пятен, и наметить ее можно лишь пунктиром.

Н. Я. Коган родился в Могилеве 8 апреля 1873 г. и в молодости участвовал в революционной деятельности. Был членом РСДРП (меньшевик). В феврале 1904 г., находясь в ссылке в Якутске, участвовал в вооруженном протесте ссыльных (т. наз. «романовский протест»); как и все «романовцы», был приговорен к 12 годам каторги. По пути на каторгу бежал из селения Урик под Иркутском, с фальшивым паспортом пробрался за границу. Жил в Париже, во время революции 1905 г. скупал в Париже и Лондоне чужие заграничные паспорта, с помощью которых около 150 политических эмигрантов (среди них и сам Коган) вернулись в Россию. В том же году был арестован по делу об организации динамитной мастерской в Петербурге.

В 1910-х гг. жил во Франции, переводил на русский язык П. Мериме, Э. Золя и др., печатался в российской периодике («Русское богатство», «Современный мир» и др.), опубликовал книгу «По воюющей Франции» (Пг., 1915). До 1918 г. издавал газету «Отклики». За высказывавшиеся в ней пацифистские взгляды был выслан из Франции, жил в Испании; в совершенстве овладел испанским, в 1919-1921 гг. опубликовал на испанском книги «Русская революция и ее корни», «Диктатура пролетариата» и «Герои и мученики русской революции», заинтересовавшие В. Ленина. Переводил на испанский произведения П. Кропоткина, Л. Троцкого, В. Ленина и А. Керенского, русских классиков – Л. Толстого, А. Чехова, В. Короленко, Л. Андреева, М. Горького, Ф. Сологуба и пр. С 1921 г. жил в Берлине, публиковался в газ. «Дни», журн. «Русская книга». В 1922 г. в Берлине вышел НФ-роман Тасина «Катастрофа», повествующий о вторжении на Землю инопланетян-зоотавров (испанская версия, расширенная автором, вышла в 1924, чешский перевод – в 1928 г.).

Позднее Тасин обосновался в Вене, где женился на немке из Данцига по имени Амалия; в 1926 г. у них родился сын Александр-Абель. В это же время Тасин стал венским корреспондентом рижской газ. «Сегодня», где публиковал многочисленные очерки, ин-

тервью, заметки о нравах, научных изобретениях и т.п., которые часто демонстрировали интерес писателя к футурологии и межпланетным путешествиям. Здесь же увидели свет почти полтора десятка рассказов, преимущественно научно-фантастических. В 1936 г. на чешском яз. был издан НФ-роман Тасина «Zlato». После гитлеровского «аншлюса» 1938 г. Тасин с семьей покинул Вену и поселился в Лиенау под фамилией Kagan-Tassin. Его последний известный НФ-рассказ «Новое оружие» – мечта о «бескровном» оружии, которое сможет навсегда покончить с войнами – был напечатан в «Сегодня» 1 июня 1940 г. По сведениям исследователей Холокоста, Тасин был убит немцами и их местными пособниками в Лиенау в 1941 г. (т. е. либо во время массовых расстрелов евреев в октябре 1941 г., либо во время расправы с узниками лиенауского гетто в декабре того же года). Судьба его жены и сына остается неизвестной.

Примечания

Все включенные в книгу произведения публикуются по первоизданиям с исправлением очевидных опечаток и ряда устаревших особенностей орфографии и пунктуации.

Преступление Тома Гранта

Впервые: *Сегодня* (Рига), 1933, № 190, 12 июля.

Человек с сюрпризами

Впервые: *Сегодня* (Рига), 1933, № 341, 10 декабря.

Среди марсиан

Впервые: *Сегодня* (Рига), 1927, № 1, 1 января.

Автоматы

Впервые: *Сегодня* (Рига), 1929, № 319, 17 января.

В 2000-ом году

Впервые: *Сегодня* (Рига), 1934, № 356, 25 декабря.

Аппарат смерти

Впервые: *Сегодня* (Рига), 1933, № 187, 9 июля.

Гость с Марса

Впервые: *Сегодня* (Рига), 1939, № 214, 5 августа, под псевд. Н. Яковлев.

«С Новым годом, марсиане!»

Впервые: *Сегодня* (Рига), 1939, № 360, 31 декабря, под псевд. Н. Яковлев.

Новое оружие

Впервые: *Сегодня* (Рига), 1940, № 360, 1 июня, под псевд. Н. Яковлев.

Оглавление

Преступление Тома Гранта	6
Человек с сюрпризами	15
Среди марсиан	21
Автоматы	27
В 2000-ом году	35
Аппарат смерти	42
Гость с Марса	50
«С Новым годом, марсиане!»	56
Новое оружие	62
Об авторе	70
П р и м е ч а н и я	72

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.